

libes

Г. В. ПЛЕХАНОВ

451

УТОПИЧЕСКИЙ
СОЦИАЛИЗМ
XIX ВЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УКРАИНЫ

Г. В. ПЛЕХАНОВ

3X5
17.38
405 3K

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ XIX ВЕКА

4413

✓ АРМОЛЯНСКАЯ
Губернская
ЦЕНЗУРА

№ ~~1604~~

Изд. 4

Шифр

Г. ПЕТРОПАВЛОВСК.

РВОЧЕМЕНТ

X

Книжка
№ 1604
1888

Озгабстан облысы
Қаз. ССР
Каз. ССР
451

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

1923

86,02
ПЗР

e

2-я Гостипография «Крымполиграфтрест»
Севастополь

Западно-европейская художественная литература первой половины XIX века была, — как она бывает всегда и везде, — выражением общественной жизни. А так как в общественной жизни того времени стали играть значительную роль явления, совокупность которых вызвала в общественной теории так называемый социальный вопрос, то представляется уместным предпослать обозрению указанной литературы краткую характеристику учений социалистов-утопистов. Выходя за пределы истории литературы, в тесном смысле этого слова, такая характеристика поможет пониманию собственно литературных направлений. Но, по недостатку места, я вынужден ограничиться указанием важнейших оттенков утопического социализма XIX столетия и выяснением главнейших влияний, определивших собою их развитие.

Как это отметил еще Энгельс в своей полемике с Дюрингом, социализм XIX века кажется на первый взгляд лишь дальнейшим развитием тех выводов, к которым пришла просветительная философия XVIII века. Для примера укажу на то, что социалистические теоретики рассматриваемой эпохи очень охотно апеллируют к естественному праву, игравшему такую важную роль в рассуждениях французских просветителей. Кроме того, не подлежит ни малейшему сомнению, что социалисты целиком усвоили себе то учение о человеке, которого держались эти просветители вообще, а материалисты — Ламеттри, Гольбах, Дидро и Гельвеций во Франции, Гартлей и Пристлей в Англии — в особенности. Так, еще Уильям Годвин (1756—1836) исходил из того выработанного материалистами положения, что добродетели и пороки каждого человека определяются обстоятельствами, в своей совокупности составляющими историю его жизни ¹⁾. Отсюда Годвин умозаключал, что если придать этой совокупности обстоятельство надлежащий характер, то порок будет совершенно изгнан из мира. После этого ему оставалось только решить, какие же именно меры способны придать желательный характер указанной совокупности обстоятельств. Он и рассматривает этот вопрос в своем главном сочинении: «Inquiry concerning political Justice and its influence on general virtue and happiness», (Исследование о политической справедливости и об ее влиянии на добродетель и счастье общества), вышедшем в 1793 году. Результаты, полу-

¹⁾ Лесли Стифен находит, что, по своему темпераменту, Годвин более, нежели какой либо другой английский мыслитель, похож на французских предреволюционной эпохи (History of English Thought in the eighteenth Century by Leslie Stephen. Second édition. London 1881, Vol. II, p. 264). Допустим, что это так. Но теоретическая точка исхода у Годвина совершенно та же, что у Р. Оуэна, Фурье и друг. выдающихся социалистов европейского материка.

ченые Годвином, очень близки к тому, что называется теперь анархическим коммунизмом. В этом отношении с ним сильно расходятся многие социалисты XIX века. Но все они сходятся с ним в том, что берут за точку исхода усвоенное им учение материалистов об образовании человеческого характера.

Таково было самое главное из тех теоретических влияний, под которыми складывалось социалистическое учение XIX века. Между практическими влияниями самым решительным было влияние той промышленной революции, которую пережила Англия в конце XVIII столетия, и того политического переворота, который называется великой французской революцией,—особенно террористической эпохи этого переворота. Как это вполне понятно, влияние промышленного переворота с наибольшей силой сказалось в Англии, а влияние великой революции—во Франции.

Английский утопический социализм

I.

Я отвожу первое место Англии именно потому, что она раньше всех других стран пережила промышленный переворот, на долгое время определивший собою последующую внутреннюю историю цивилизованных обществ. Этот переворот характеризуется быстрым развитием машинного производства, изменившего производственные отношения в том смысле, что независимые производители уступили место наемникам, трудящимся в более или менее крупных предприятиях под командой и в пользу капиталистов. Такая перемена производственных отношений принесла с собою трудящемуся населению Англии очень много тяжелых и продолжительных страданий. Ее вредные для него последствия дополнены были так называемым огораживанием полей, сопровождавшимся заменой мелких ферм — крупными. Читатель понимает, что «огораживание полей», т. е. захват крупными собственниками земель, прежде принадлежавших сельским общинам и «консолидация» мелких ферм в крупные должно было вести за собой уход значительной части сельского населения в промышленные центры. Легко понять и то, что выгнанные из своих старых гнезд деревенские жители увеличивали предложение «рук» на рабочем рынке и тем понижали заработную плату. Никогда еще пауперизм не принимал в Англии таких грозных размеров, какие приобрел он в период, непосредственно следовавший за «промышленной революцией». В 1874 году налог в пользу бедных доходил до 5 шиллингов на каждого жителя; в 1818 году он поднялся до 13 шиллингов 3 пенсов. Измученное нуждой, трудящееся население Англии находилось в состоянии постоянного раздражения: сельско-хозяйственные рабочие поджигали фермы; промышленные — разбивали машины. Это были первые, еще неосмысленные, шаги на пути протеста угнетенных против угнетателей. Лишь очень тонкий слой рабочего класса достигал в начале этого периода той степени умственного развития, которая делала возможной для него сознательную борьбу за лучшее будущее.

Этот слой увлекался радикальными политическими теориями и сочувствовал французским революционерам. Уже в 1792 году возникло «London Corresponding Society», в котором было не мало рабочих, ремесленников и мелких торговцев. Члены этого общества называли друг друга, — следуя французскому революционному обычаю, — гражданами и обнаруживали весьма революционное настроение, особенно после казни Людовика XVI. — Как ни тонок

был демократический слой, способный увлекаться передовыми идеями того времени, его угрожающее настроение вызвало большую тревогу в правящих сферах, со страхом следивших за тем, что происходило тогда во Франции. Английское правительство приняло против своих домашних «якобинцев» ряд репрессивных мер, сводившихся к ограничению свободы слова, союзов и собраний. В то же время идеологи высших классов сочли себя обязанными подкрепить охранительные условия полиции и направить против революционеров «духовное оружие». Одним из литературных памятников этой умственной реакции явилось так много нашумевшее исследование Мальтуса о законе народонаселения: оно было вызвано упомянутым выше сочинением Годвина о «политической справедливости». Годвин относил все человеческие бедствия насчет правительств и общественных учреждений, а Мальтус старался показать, что они порождаются не учреждениями и не правительствами, а неумолимым законом природы, благодаря которому население всегда перерастает средства к существованию.

Пережитая Англией промышленная революция, так тяжело отразившаяся на положении рабочего класса, означала вместе с тем огромный рост производительных сил страны. Он бросался в глаза всем исследователям. Многим из них он давал повод утверждать, что страдания рабочего класса имеют лишь временный характер, а в общем все обстоит прекрасно. Но не все разделяли это оптимистическое воззрение. Нашлись люди, неспособные относиться с таким олимпийским спокойствием к чужим страданиям. Наиболее смелые и вдумчивые из этих людей и создали английскую социалистическую литературу первой половины прошлого века¹⁾.

В 1805 году доктор Чарльз Голль (1745—1825) обнародовал исследование о том, как действует «цивилизация», — он имел в виду собственно рост производительных сил в цивилизованных странах, — на положение трудящейся массы. Голль доказывал в нем, что масса беднеет, благодаря «цивилизации»: «рост богатства и силы одних, — писал он, — вызывает увеличение бедности и подчиненности других»²⁾.

¹⁾ «Огораживание полей» вызвало целую литературу, посвященную аграрной реформе. Литература эта, — напр., сочинения Т. Спенса, Уильяма Оджильви и Т. Пэна — в своем роде очень замечательна и довольно значительно способствовала развитию социалистической теории в Англии. Но я не могу заниматься здесь ею уже по одному тому, что, относясь к XVIII столетию, она даже хронологически выходит за пределы моей темы.

²⁾ Английские социалистические сочинения первой половины XIX века теперь крайне редки. Поэтому, говоря о некоторых из них, я вынужден буду ссылаться на их недавно вышедшие немецкие переводы. Сделанный Б. Ольденбергом немецкий перевод книги Голля («Die Wirkungen der Zivilisation auf die Massen») составляет четвертый выпуск (Лейпциг, 1905 г.), издававшейся покойным профессором Г. Адлером серии сочинений, которая носит общее название: «Hauptwerke des Sozialismus und der Sozialpolitik».

Для истории теории это положение весьма важно тем, что показывает, как ясно сознал английский социализм, уже в лице Чарльса Голля, противоположность интересов «богатого» и «бедного» классов. И заметьте, что под «бедным» классом Голль понимал класс людей, живущих продажей своего «труда», т. е. пролетариев, а «богатыми» называл капиталистов и землевладельцев, благосостояние которых основывается на экономической эксплуатации «бедных».

Так как «богатые» живут экономической эксплуатацией «бедных», то интересы этих двух классов прямо противоположны. В книге Голля есть отдел (IV), который так и озаглавлен: «О различии интересов богатых и бедных». Сущность аргументации нашего автора заключается там вот в чем.

Каждого богатого надо рассматривать как покупателя, а каждого бедняка как продавца труда. Богатый стремится извлечь как можно больше выгод из покупаемого им труда, заплатив за него как можно меньше. Другими словами, он хочет получить возможно большую часть продукта, создаваемого трудом рабочего; рабочий, наоборот, усиливается получить как можно большую часть этого продукта. Отсюда — их взаимная борьба. Но это — борьба неравная. Лишенные средств к существованию, рабочие обыкновенно бывают вынуждены сдаваться, как сдается неприятелю гарнизон крепости, недостаточно снабженный съестными припасами. При том же стачки рабочих часто усмиряются военной силой, тогда как лишь в немногих государствах закон запрещает работодателям соединяться между собой с целью понижения заработной платы.

Голль сравнивает положение сельско-хозяйственного рабочего с положением рабочего скота. Если тут и есть какая-нибудь разница, то не в пользу рабочего, потому что смерть вола или лошади причиняет хозяину убыток, а от смерти рабочего он ничего не теряет¹⁾. Хозяева очень решительно отстаивают свои экономические интересы в борьбе с рабочими. Наоборот, рабочие не обнаруживают большой решительности в борьбе с хозяевами: бедность лишает их экономической и нравственной силы сопротивления²⁾.

Кроме того, на стороне хозяев стоит закон, жестоко карающий всякое нарушение прав собственности³⁾. В виду этого, является вопрос: как же велика та часть ежегодного дохода нации, которая достается рабочему классу, взятому в его целом. По расчету Голля выходит, что класс этот получает только восьмую

¹⁾ Там же, стр. 38.

²⁾ Там же, стр. 38, 39.

³⁾ Там же, стр. 47. Надо заметить, что в то время англ. закон карал стачки рабочих, как уголовные преступления.

часть стоимости, создаваемой его трудом, остальные же семь восьмых этой стоимости достаются «хозяевам»¹⁾.

Этот вывод, конечно, нельзя считать правильным: Голль преуменьшил достающуюся рабочему долю национального дохода. Но читатель понимает, что теперь нет никакой надобности разоблачать ошибку нашего автора. И, наоборот, необходимо было бы отметить, что, несмотря на эту количественную ошибку, он хорошо понял экономическую природу эксплуатации наемного труда капиталом.

За бедностью идет преступление. По словам Голля, «все или почти все то, что называется наследственным грехом или расположением ко злу, надо считать следствием цивилизации, а главным образом наиболее выдающейся чертой ее,—великого неравенства имуществ»²⁾. Цивилизация развращает бедняков материальными лишениями, а у их «хозяев» вызывает пороки, свойственные богатым людям, и прежде всего—самый худший из всех пороков: склонность к угнетению своих ближних. Вот почему общественная нравственность очень много выиграла бы от устранения имущественного неравенства. Но можно ли устранить его? Голль думает, что можно. Он ссылается на три исторических примера установления равенства имуществ: во-первых, у евреев; во-вторых, у спартанцев; в третьих, в Парагвае во время владычества там иезуитов. «Насколько мы знаем, во всех этих случаях оно увенчалось полнейшим успехом»³⁾.

Коснувшись вопроса о том, какими мерами можно было бы устранить имущественное неравенство, Голль настоятельно рекомендует крайнюю осторожность. Надо, чтобы реформа была делом людей, лично в ней не заинтересованных и не увлекаемых страстями. Таких людей нельзя найти между угнетенными: угнетенные слишком быстро пошли бы вперед. Лучше обратиться к угнетателям: там, где дело коснется не нас самих, а посторонних нам лиц, мы не станем слишком торопиться с осуществлением требований справедливости, как бы высоко ни ставили мы их. «Поэтому было бы лучше, если бы помощь беднякам исходила от богатых»⁴⁾. Другими словами, интересы общественного спокойствия требуют, чтобы имущественное неравенство устранено было бы теми, которым достаются все выгоды, из него истекающие. Это очень характерно не для одного Голля; в сущности, огромное большинство социалистов, рассматриваемой мною эпохи, — не только в Англии, но и на материке Европы, — стояло в этом вопросе на его точке зрения. В этом отношении к нему был близок величайший из английских социалистов-утопистов, Роберт Оуэн⁵⁾.

¹⁾ Там же, стр. 40.

²⁾ Там же, стр. 76.

³⁾ Там же, стр. 82.

⁴⁾ Там же, стр. 49.

⁵⁾ Родился 14 марта 1771 г. в Ньютоуне, в сев. Уэльсе; умер 7 нояб. 1856 г.

II.

Уже с самого начала 1800 года Оуэн стоял во главе большой бумаго-прядельной фабрики в Нью-Ленарке, в Шотландии. Занятые на этой фабрике «бедные», много работая и мало зарабатывая, предавались пьянству, нередко попадались в воровстве и вообще находились на весьма низкой ступени умственного и нравственного развития. Сделавшись управляющим Нью-Ленарской бумаго-прядельни, Оуэн поспешил поставить рабочих в лучшие материальные условия. Так, он сократил рабочий день до 10½ час., а когда фабрика остановилась на несколько месяцев, вследствие недостатка сырого материала, он не выкинул своих «бедных» на улицу, как это обыкновенно делалось и делается при «заминках» и кризисах, а продолжал выдавать им полную плату. Вместе с тем он много заботился о воспитании и обучении детей. Им впервые были введены в Англии детские сады. Результаты всех этих усилий оказались блестящими во всех отношениях. Нравственный уровень рабочих заметно повысился, в них проснулось сознание своего человеческого достоинства. А в то же время значительно увеличилась доходность предприятия. Все это вместе взятое, сделало из Нью-Ленарка нечто до последней степени привлекательное для всех тех, которые, по свойственной им доброте души, не прочь были пощадить овец с тем, однако, чтобы и волки не голодали. Оуэн приобрел широкую славу филантропа. Даже наиболее высокопоставленные лица охотно посещали Нью-Ленарк и умилялись, видя благосостояние тамошних «бедных». Однако, сам Оуэн совсем не был удовлетворен тем, что ему удалось сделать в Нью-Ленарке. Он справедливо говорил, что хотя его рабочие и пользовались сравнительным благосостоянием, но все таки оставались его рабами. И вот филантроп, умилявший своим благосклонным отношением к рабочим даже закоренелых реакционеров, мало-по-малу превратился в общественного реформатора, испугавшего своими «крайностями» всех «почтенных» людей Соединенного Королевства.

Подобно Голлю, Оуэн был поражен парадоксальным явлением, что рост производительных сил Англии привел к обеднению тех самых людей, которые употребляли их в дело. Он говорил: «Мир переполнен теперь богатством (Saturated with wealth); и он обладает неисчерпаемыми средствами его постоянного увеличения и все таки изобилует нищетою. Таково нынешнее положение человеческого общества». Оно может быть богатым, просвещенным и счастливым, а между тем коснеет в невежестве, и большая часть его членов живет в страшной бедности, не имея даже достаточного количества пищи. Оно не должно оставаться в таком положении. Необходима перемена к лучшему. И эта перемена может произойти с величайшей легкостью (The change will mostceazy). «Мир знает и чувствует существующее зло; озна-

комившись с предлагаемым ему новым порядком, он одобрит его захочет перемены, и дело будет сделано»¹⁾).

Но для того, чтобы мир одобрил предлагаемую реформу надо предварительно выяснить ему, что такое представляет собою человек по своей природе; чем сделали его окружающие условия, и чем может стать при новых условиях, соответствующих требованиям разума. По замечанию Оуэна, мысль человека должна заново родиться для того, чтобы он пришел к счастью и мудрости²⁾. И для того, чтобы способствовать возрождению человеческой мысли, Оуэн написал свои знаменитые «Опыты» об образовании человеческого характера³⁾.

Подобно Годвину, Оуэн твердо убежден, что характер человека определяется независимыми от его воли свойствами окружающей его общественной среды. От нее человек получает свои взгляды и свои привычки, побуждающие его к тем или другим поступкам. Поэтому населению любой страны и даже всего земного шара можно сообщить, — принимая подходящие меры, — какой угодно характер, от самого лучшего. Нужные для этого средства находятся в руках правительства. Правительство может сделать так, чтобы люди жили, не зная бедности, преступления и наказания представляют собою ни что иное, как следствия неправильного воспитания и управления. Так как цель управления состоит в том, чтобы доставить счастье управляемым, равно как и правителям, то люди, держащие в своих руках политическую власть, должны немедленно приступить к реформе общественного строя⁴⁾.

Первым шагом к этой реформе должно быть доведение до всеобщего сведения, что никто из людей, входящих в состав настоящего поколения, не будет лишен своего имущества. Затем должны следовать: провозглашение свободы совести, упразднение тех учреждений, которые дурно влияют на народную нравственность, пересмотр закона о бедных, и, наконец, — самое главное, — принятие ряда мер для просвещения народа и его воспитания.

«Всякое государство, чтобы быть хорошо управляемым, должно направить свое главное внимание на образование характера. Управляемым лучше всех других будет то государство,

¹⁾ См. его письмо, напечатанное в лондонских газетах 9 августа 1817 г. и перепечатанное в томе, составляющем дополнение к его автобиографии: *The life of Robert Owen writing of Himself London. 1857*. Указанный том обозначается римской цифрой I и прописными А (I A). Ниже я буду часто на него ссылаться.

²⁾ См. *The Life, I A*, стр. 81, 86.

³⁾ Полное заглавие этого сочинения таково: (Новый взгляд на общество. или опыты о начале, определяющем собою образование человеческого характера, и о применении этого начала на практике). Всех «опытов» четыре: первые два вышли в конце 1812 г., а два последние — в начале 1813 г.

⁴⁾ См. стр. 19, 90 и 91 второго издания «Опытов», вышедшего в 1816 г. Я буду ссылаться на это издание.

которое вырабатывает наилучшую систему воспитания народа»¹⁾). Система воспитания должна быть однообразной для всего государства.

Почти вся последующая литературная и агитационная деятельность Оуэна свелась к дальнейшему развитию только что изложенных мною взглядов и к их горячей защите перед общественным мнением. Так, держась того положения, что характер человека определяется влиянием окружающих его условий, Оуэн выдвинул вопрос, насколько благоприятны были те условия, в которые с детства попадал современный ему английский рабочий. Хорошо зная быт рабочего класса, — хотя бы по наблюдениям, сделанным в Нью-Ленарке, — Оуэн мог ответить на этот вопрос только в том смысле, что названные условия были совсем неблагоприятные. По его словам, фабрики, постепенно распространяясь по всей стране, портят характер ее жителей, а испорченный характер делает их несчастными. Это нравственное зло заслуживает величайшего сожаления. Однако, оно остается неизбежным до тех пор, пока с ним не вступит в борьбу законодательство. И нельзя откладывать эту борьбу в долгий ящик. Если уже теперь положение рабочих гораздо хуже, нежели оно было прежде, то с течением времени оно будет все более и более ухудшаться. Вывоз продуктов, производимых на фабриках, вероятно, достиг уже наивысшей точки. Конкуренция других стран поведет к уменьшению вывоза из Англии, что, в свою очередь, тяжело отразится на положении рабочего класса.

Оуэн требовал издания парламентом закона, который ограничил бы рабочий день в предприятиях, употреблявших машины, до 10½ часов. Тот же закон должен был запретить употребление в работу детей, не достигших 10 летнего возраста, а также детей не умеющих читать и писать, даже в тех случаях, когда они старше десяти лет. Это — совершенно определенное требование фабричного законодательства. Требование это, выставленное Оуэном «во имя миллионов бедняков, предоставленных собственной участи», исполнено было, в сильно урезанном виде, парламентским актом 1819 г. К сожалению, и этот акт, сильно урезавший требования Оуэна, остался мертвой буквой, так как парламент не принял никаких мер для его исполнения на практике. Впоследствии английская фабричная инспекция свидетельствовала, что вплоть «до закона 1833 года дети и подростки изнурялись работой целую ночь, целый день или то и другое *ad libitum*»²⁾).

Не довольствуясь требованием фабричного законодательства, Оуэн добивался, как мы уже знаем, пересмотра закона о бедных. Он хотел, чтобы для безработных были заведены особые деревни, жители которых занимались бы как земледелием, так и про-

¹⁾ Там же. стр. 149.

²⁾ К. Маркс. Капитал, изд. О. Н. Поповой. т. I, стр. 215.

мышленным трудом. На эти деревни,—«деревни единения и взаимного сотрудничества» (*villages of unity and mutual cooperation*),—Оуэн возлагал большие надежды, он думал, что в них могут быть приняты серьезные меры для правильного воспитания трудящихся и для сообщения им разумного взгляда на жизнь. И так как он верил, что эти «деревни» легко могут быть приведены в цветущий вид, то он рассчитывал, что они явятся первым шагом на пути к такой общественной организации, которая уже не будет знать ни «бедных», ни «богатых», ни «рабов», ни «хозяев». Недаром он предлагал национализовать бедняков (*national the poor*). Это нужно было ему потому, что, согласно его первоначальному плану, система воспитания должна была,—как я уже отметил это выше, излагая содержание «Опытов» об образовании человеческого характера,—стать однообразной во всем государстве.

Еще в 1817 году Оуэн составил подробную смету всех тех расходов, которые вызваны были бы устройством «деревень единства и взаимного сотрудничества». Излишне говорить теперь, что правители и не подумали осуществлять его расчеты на практике. Впоследствии в 1838 году, они, правда, изменили законы о бедных, но совсем не в том направлении, какое указывал им наш реформатор. Вместо «деревень единства и взаимного сотрудничества» бедняки, нуждавшиеся в общественной помощи, должны были отправляться в рабочие дома, как две капли воды похожие на каторжные тюрьмы.

Терпя неудачи в своих усилиях подвинуть «правителей» на общественную реформу, Оуэн, хотя и не утратил веру в их добрую волю, все-таки увидел себя вынужденным попытаться осуществить дорогие ему идеи своими собственными средствами, с помощью своих единомышленников. Он стал основывать коммунистические колонии в Соединенном Королевстве и в Северной Америке. Эти попытки осуществить коммунистический идеал в узких пределах одного поселения окончились неудачно и почти разорили Оуэна. Причин неудачи было много. Одну из важнейших обнаружил он сам, сказав, что успех подобных предприятий предполагает у их участников известные нравственные свойства, далеко не всегда имеющиеся у них в настоящее время, когда общественная среда так сильно портит человеческий характер. Выходило, таким образом, что коммунистические общины нужны были для того, чтобы дать людям надлежащее воспитание, а с другой стороны, такое воспитание являлось необходимым предварительным условием успеха коммунистических общин. Противоречие это, о которое разбилась так много самых благородных намерений в течение прошлого века, может быть разрешено только историческим процессом развития общества в его целом,—процессом, постепенно приспособляющим характер людей к постепенно возникающим условиям их существования. Но

утопический социализм мало считался с ходом исторического развития. Оуэн охотно повторял, что новый общественный порядок может придти внезапно, «яко тать в ноши».

III.

На одном народном собрании в 1817 году Оуэн обратился к присутствовавшим, между прочим, с такими словами: «Я скажу вам, друзья мои, что именно препятствовало вам до сих пор понять, в чем именно заключается действительное счастье. Этому препятствовали только заблуждения, великие заблуждения, лежащие в основе всех когда либо существовавших религий. Религии сделали человека в высшей степени несостоятельным, жалким существом. Благодаря заблуждениям религиозных систем он, превратился в слабое, глупое животное, стал ханжой и свирепым фанатиком или презренным лицемером». Таких слов еще никто не произносил в Англии, и они одни могли возмутить против Оуэна всех ее «почтенных» людей. Он и сам видел, что «почтенные» люди стали чуждаться его, как богохульника. Но это нисколько не уменьшило ни его откровенности, ни его веры в добрую волю власть имущих. В октябре 1830 года он прочел две лекции «об истинной религии». Лекции эти дают лишь смутное представление об отличительных признаках «истинного» религиозного учения. Но зато они ярко свидетельствуют о том, как глубоко презирал лектор все «существовавшие до сих пор религии». В первой лекции он объявил их единственным источником раз'единения, взаимной ненависти и преступления, омрачающих человеческую жизнь. Во второй—он сказал, что они превратили мир в один огромный сумасшедший дом. И он доказывал, что настоятельно необходимо принять меры для борьбы с ними. Всего этого опять было более, чем достаточно для того, чтобы привести в ярость всех «почтенных» джентльменов Соединенного Королевства. Казалось бы, Оуэн сам должен был понимать, что ни один из них не может одобрить меры, направляемые против религий. Но этого то он и не хотел понять.

Во второй лекции он заявил, что люди, познавшие истину, нравственно обязаны помочь правительству, воплотить ее в жизнь. Поэтому он приглашал своих слушателей обратиться к королю и к обеим палатам Парламента с петициями насчет борьбы с религиями. В проекте петиции к королю говорилось, что он, конечно, желает счастья своим подданным, но их счастье может быть достигнуто не иначе, как посредством замены той неестественной религии, в которой они, к несчастью, до сих пор воспитываются, религией истины и природы. Религия истины и природы может, наконец, восторжествовать, не подвергая общество опасности, а в крайнем случае, причиняя ему лишь некоторые временные неудобства. В виду этого, королю следует воспользоваться

своим высоким положением и побудить своих министров к рассмотрению роли религии в деле образования человеческого характера. В таком же духе была написана и петиция к обоим палатам¹⁾. Слушатели одобрили предложенные лектором проекты петиций. Но само собою разумеется, что петиции эти не принесли ровно никакой пользы делу Оуэна.

Религиозные взгляды, складываясь на данной социальной основе, санкционируют ее собою. Кто нападает на религию, тот колеблет ее социальную основу. Поэтому охранители никогда не бывают расположены к терпимости там, где речь заходит о религиозных убеждениях. Еще менее расположены они к борьбе с религией. Оуэн упустил это из виду. А это значило, что он не сумел сделать все те практические выводы, которые вытекали из его же собственного учения об образовании человеческого характера.

Если характер всякого данного человека определяется условиями его воспитания, то очевидно, что характер всякого данного общественного класса определяется его положением. Класс, живущий эксплуатацией других классов, всегда будет расположен защищать общественную несправедливость, а не восставать против нее. Поскольку Оуэн надеялся подвинуть аристократию и буржуазию на такие реформы, которые положили бы конец разделению общества на классы, постольку он, не замечая этого, попадал в то самое противоречие, над которым напрасно билась материалистическая философия XVIII века. Она учила, что человек, со всеми своими мнениями и привычками, создается общественной средой. И она же не переставала повторять, что общественная среда со всеми своими свойствами определяется мнением людей. „C'est opinion, qui gouverne le monde“ (мнение правит миром), говорили материалисты, а с ними и все просветители XVIII века. Потому то они и обращались к более или менее просвещенным деспотам, что непоколебимо верили в силу «мнения». Так же непоколебимо верил в него и Р. Оуэн. Последователь материалистов XVIII века, он буквально повторяет за ними: «мнение правит миром» (opinion govern the world). И следуя их же примеру, он старается просветить «правителей». В отношении к рабочему классу он, повидимому, долго руководился впечатлениями, полученными им в Нью-Ленарке. Он всеми силами души стремился помочь «трудящимся бедным», но совсем не верил в их самостоятельность. А не имея веры в их самостоятельность, он мог рекомендовать им одно: не вступая в борьбу с богатыми, вести себя так, чтобы эти последние не боялись взять на себя почин общественной реформы. В апреле 1819 года он напечатал в газетах «Обращение к рабочим классам»²⁾. С сожалением конста-

¹⁾ Обе лекции Оуэна напечатаны в приложении к его же „Лекции о совершенно новом состоянии общества“.

²⁾ В Англии до сих пор говорят нередко: „рабочие классы“ вместо рабочий класс.

тируя там, что в рабочей среде замечается сильное недовольство своим положением, он повторял, что характер человека определяется окружающей его общественной средой. Помня эту истину, рабочие не должны, по его мнению, винить «богатых» за их отношение к «бедным». Богатые желают одного: сохранить свое привилегированное общественное положение. Это их желание должно быть уважено рабочими. Больше того: если бы привилегированные захотели приобрести еще больше богатств, то рабочие не должны противиться и этому. Надо заниматься не прошлым, а будущим, т.-е. сосредоточить все внимание на общественной реформе. Читатель может спросить: что же нового принесет с собой та реформа, которая не только сохранит привилегии, но даже еще более обогатит привилегированных. Но дело в том, что по мнению Оуэна, колоссальные производственные силы, находящиеся теперь в распоряжении человечества, вознаградят рабочих за все их уступки, если только будут планомерно использованы. Оуэн, как впоследствии Родбертус, настаивал не на том, чтобы рабочему классу доставался весь продукт его труда, а лишь на том, чтобы не была слишком мала достающаяся ему часть этого продукта. Его коммунизм мирился, как видим, с известным общественным неравенством. Но это неравенство должно было находиться под общественным контролем и не переходить установленных обществом пределов. Оуэн был убежден, что богатые и бедные правители и управляемые имеют один и тот же интерес. До самого конца своей жизни он оставался убежденным сторонником социального мира.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Кто осуждает борьбу классов, тот естественно не будет придавать значения и их политическим выступлениям. Неудивительно, что Оуэн был против парламентской реформы. Он находил, что вообще избирательное право будет нежелательно до тех пор, пока народ не получит надлежащего воспитания, и отрицательно относился к современным ему демократическим и республиканским стремлениям. Он думал, что если бы республиканцы и демократы перестали нападать на правительство, то оно, по всей вероятности, изменилось бы к лучшему.

Оуэн не был никогда членом партии чартистов, боровшейся за политическое полноправие рабочих. Но так как высшие классы не выражали ни малейшего желания поддержать его социально-реформаторские планы, то ему, в конце-концов, поневоле пришлось связать свои упования с рабочим движением. В начале 30 годов, когда движение его становилось все более и более широким и даже грозным, Оуэн попытался воспользоваться растущей силой пролетариата для осуществления своих любимых идей. В сентябре 1832 г. он устроил в Лондоне «базар для справедливого трудового обмена»¹⁾;

1) Кроме базара в Лондоне был открыт еще базар в Бирмингеме.

почти одновременно с этим он вошел в близкие отношения к профессиональным рабочим союзам. Однако и тут практический результат не соответствовал его ожиданиям.

Справедливый обмен означал обмен продуктов по количеству труда, затраченного на их производство. Но если данный продукт не соответствует общественной потребности, то его не возьмет никто, и труд его производителя пропадет даром. Чтобы продукты всегда обменивались один на другой сообразно количеству труда, воплощенного в каждом из них, другими словами, чтобы закон стоимости не осуществлялся путем постоянного колебания цен, необходима планомерная организация производства. Оно должно быть так организовано, чтобы работа каждого производителя сознательно направлялась на удовлетворение определенной общественной потребности. Пока этого нет, колебание цен неизбежно; это значит, что невозможен и «справедливый обмен». А когда это будет, в «справедливом обмене» не окажется надобности, потому что продукты не станут тогда обмениваться один на другой; они будут распределяться по принятым обществом нормам между его членами. Базары для «справедливого обмена» свидетельствовали о том, что Оуэн и его последователи, при всем своем интересе к экономическим вопросам, еще не выяснили себе разницы между товарным (неорганизованным) производством, с одной стороны, и коммунистическим (организованным)—с другой.

Сходясь с профессиональными союзами (трэд-юнионами), Оуэн надеялся, что они помогут ему в самом скором времени покрыть Англию целой сетью кооперативов, которая и послужит фундаментом нового общественного строя. Согласно его всегдашнему убеждению, общественный переворот должен был совершиться безо всякой борьбы. Стремясь к этому, Оуэн хотел превратить орудие классовой борьбы, каким всегда, в большей или меньшей степени, служат профессиональные союзы, в орудие мирной общественной реформы. Но это был совершенно утопический план. Оуэн скоро убедился, что ему не по дороге с трэд-юнионами: те самые союзы, которые больше других сочувствовали кооперативной идее, с особенной энергией готовились тогда ко всеобщей стачке, никогда и нигде невозможной без нарушения социального мира¹⁾.

Гораздо больший практический успех выпал на долю Оуэна и его последователей в области потребительных товариществ. Но к товариществам этого рода он относится довольно холодно, считая их близкими к простым «торговым обществам».

¹⁾ В этом очерке я занимаюсь только историей известных идей, а не историей общественного движения. но мимоходом я все-таки замечу, что эпоха сближения Оуэна с трэд-юнионами была эпохой довольно широкого распространения между английскими рабочими склонности к практическим приемам классовой борьбы, очень сильно напоминающим те приемы, которыми так дорожат нынешние «революционные» синдикалисты.

Я потому так подробно очертил деятельность Оуэна, что в ней особенно заметны как сильные, так и слабые стороны утопического социализма. Отметив их здесь, я буду в дальнейшем ограничиваться лишь краткими указаниями на них в своем дальнейшем изложении.

Некоторые исследователи находят, что влияние Оуэна не принесло никакой пользы рабочему движению в Англии. Это огромная, странная и непростительная ошибка. Оуэн, бывший неутомимым пропагандистом своих идей, будил мысль рабочего класса, ставя перед ним самые важные, — основные, — вопросы общественного устройства и сообщая ему много данных для правильного решения этих вопросов, по крайней мере, в теории. Если его практическая деятельность имела, в общем, утопический характер, то надо признать, что и здесь он давал подчас своим современникам в высшей степени полезные уроки. Он был истинным родоначальником кооперативного движения в Англии. Его требование фабричного законодательства не заключало в себе ровно ничего утопического. Ровно ничего утопического не было ни в его указании на необходимость давать хотя бы первоначальное школьное образование работающим на фабриках детям и подросткам. Поворачиваясь спиной к политике и осуждая классовую борьбу, он, конечно, очень заблуждался. Но, — замечательное дело, — рабочие, увлекшиеся его проповедью, умели поправлять его ошибки. Усваивая кооперативные, а отчасти и коммунистические идеи Оуэна, они в то же время принимали деятельное участие в тогдашнем политическом движении английского пролетариата. Так поступали, по крайней мере, наиболее даровитые из них: Ловетт, Гесеринтон, Уотсон и др.¹⁾

Ко всему этому следует прибавить, что, выступая бесстрашным проповедником «истинной религии» и разумных отношений между полами, Оуэн содействовал развитию сознания рабочего класса не только в социальной области²⁾.

Непосредственное влияние Оуэна сказывалось не только в Великобритании и Ирландии, но также и в Соединенных Штатах Северной Америки.

IV.

Большой противник социализма, кембриджский профессор Фоксуэль, утверждает, что не Оуэн, а Рикардо дал английским

¹⁾ О них смотри в недавно вышедшей книге М. Беера „Geschichte des Sozialismus in England“ стр. 280 и след. Особенного внимания заслуживает завещание Гесеринтона (стр. 282 и 283). Ловетт и Гесеринтон были деятельными участниками партии чартистов.

²⁾ Как понимали наиболее даровитые рабочие его истинную религию, показывает „завещание“ Гесеринтона. Там говорится, между прочим, „единственная достойная человечества религия“ состоит в нравственном образе“.

социалистам наиболее действительное духовное оружие. Это не так. Правда, еще Энгельс справедливо заметил, что, поскольку теории современного социализма выходят из буржуазной политической экономии, постольку все они, почти без исключений, примыкают к теории стоимости Рикардо. Для этого была вполне достаточная причина. Но совершенно неоспоримо, что, по крайней мере, многие из тех английских социалистов, учения которых опирались на теорию стоимости Рикардо, были учениками Оуэна и обратились к буржуазной политической экономии именно потому, что им хотелось, опираясь на ее выводы, идти дальше в этом самом направлении, в каком уже работала мысль их учителя. Те же из них, которых нельзя назвать учениками Оуэна, как видно, находились в тесной духовной связи с коммунистическим анархистом Годвином. К Рикардо они обращались только за тем, чтобы в его лице уличить политическую экономию в противоречии с ее собственными, и притом основными, теоретическими положениями. Из учеников Оуэна я прежде всего укажу на Уильяма Томпсона ¹⁾. Во введении к своему только что названному мною (в примечании) сочинению Томпсон выдвигает вопрос о том, каким образом народ, который превосходит все другие народы количеством находящихся в его распоряжении сырых материалов, машин, жилищ и пищи, а также числом принадлежащих к нему трудолюбивых работников, несмотря на это, испытывает большие лишения ²⁾. Это, как видим, все тот же вопрос, который едва ли не с самого начала XIX века привлекал к себе внимание Оуэна и был вполне определенно сформулирован им в некоторых печатных сочинениях. Далее Томпсон удивляется, почему плоды труда работников таинственным образом отнимаются у них без всякой вины с их стороны. С этим вопросом мы опять встречаемся чуть ли не во всех сочинениях Оуэна. Но сам Томпсон признает, что именно такого рода вопросы побуждают нас интересоваться распределением богатства. Таким образом, если Томпсон обратился к Рикардо, а он, действительно, к нему обратился и много заимствовал у него,—то это произошло вследствие предварительно испытанного им влияния Оуэна. Конечно, в политической экономии Рикардо был несравненно сильнее, нежели Оуэн. Но Томпсон подошел к вопросам политической экономии совсем не с той стороны, с какой подходил к ним Рикардо. Этот последний утверждал и доказывал, что труд есть единственный источник стоимости продуктов. Но он вполне мирился с тем, что буржуазное общество осуждает трудящихся на подчиненное и бедственное положение. Вот с этим то и не мог примириться Томпсон. Он хотел, чтобы порядок распределения продуктов перестал противоречить основному закону их производства. Дру-

¹⁾ Род. в 1785 г., ум. в 1833 г.

²⁾ См. стр. 16-ю немецкого перевода.

гими словами, он требовал, чтобы создаваемая трудом стоимость доставалась трудящимся. А выставляя это требование, он шел по следам Оуэна. Совершенно такое же требование выставляли, в своей критике буржуазного общества, и все другие английские социалисты, опиравшиеся на экономическое учение Рикардо. Главное сочинение этого последнего вышло в 1817 г.¹⁾ А уже в 1821 году появилась, в виде открытого письма к лорду Джону Росселю, небольшая анонимная брошюра, уличающая буржуазное общество в том, что оно основывается на эксплуатации трудящихся²⁾. За нею последовал целый ряд других сочинений, в своем роде весьма замечательных. Не все они обязаны своим происхождением ученикам Оуэна; некоторые из них вышли из-под пера людей, более или менее склонявшихся к анархизму. Из учеников Оуэна я, кроме уже упомянутого Томпсона, назову Джона Грэя и Джона Брэя, а из писателей, более или менее склонявшихся к анархизму—Перси Ревенстона и Томаса Годскина³⁾.

Все эти писатели долго оставались совершенно забытыми. Когда о них вспомнили,—отчасти благодаря Марксу, напоминавшему о них еще в своей полемике с Прудоном, на их сочинения стали указывать, как на источник, из которого Маркс будто бы заимствовал свое учение о прибавочном продукте и о прибавочной

1) Оно называется: „Prinziples of Political Economy and Taxation“

2) Она озаглавлена: „The source and Remedy of the national Difficulties... A letter to Lord John Russel“. О ней смотри у Маркса: „Theorien über den Mehrwert. Dritter Band. Stuttgart 1910. SS. 281—306.“

3) Исследование Томпсона о распределении вышло в 1812 г.; в следующем году он выпустил сочинение „Вознагражденный труд“. В том же году Грей (1798- 1850) выпустил в свет: „Чтение о человеческом счастье“, а в 1813 г. „Социальная система“. Важная для истории экономической теории книга Джона Брэя: „Labour's wrongs and labour's Remedy or the Age of Might and the Age of Right“ вышла в 1830 г. в Лидсе; она замечательна, между прочим, тем, что Брай как будто выказывает склонность покинуть идеалистический взгляд на историю,—свойственный всем утопистам,— и перейти на точку зрения материалистического объяснения истории; (см. на стр. 26 рассуждение о том, что общество не может по своему желанию изменить направление своих мнений). Правда, склонность эта не побуждает Брэя к серьезному анализу основных причин общественного развития. Упомяну здесь еще о книге Т. Р. Эдмондса: „Practical, moral and political economy“; London 1828. По мнению Эдмондса, рабочий класс получает только треть стоимости создаваемого его трудом, а остальные две трети достаются предпринимателям (см. стр. 107, 116 и 288). Для Англии это до сих пор очень близко к истине. Заслуживает внимания также его взгляд на социальную причину пауперизма (стр. 109—110). Ревенстон издал в 1812 г. брошюру: „Кое-какие сомнения на счет правильности некоторых общераспространенных взглядов, относящихся к населению и политической экономии“, из сочинений Годскина для нас здесь имеют небольшое значение: 1. „Защита труда против требований капитала“, 1825. 2. Лондон. „Популярная политическая экономия“. 3. „Естественное право собственности в его противоположности искусственному“. Лондон 1832. О Ревенстоне и Годскине см. у Маркса (назв. соч. стр. 306—380). Кроме того, о Годскине есть работа Эли Алэви (Thomas Hodgskin (1787-1869), par Elie Halévy. Paris, 1903).

стоимости. Дело дошло до того, что супруги Вэббы назвали Маркса «знаменитым учеником Годскина»¹⁾. Это решительно ни с чем несообразно. Правда, в экономических сочинениях английских социалистов мы встречаем не только теории эксплуатации труда капиталистом, но даже и такие выражения, как «прибавочный продукт» (*surplus produce*) и «прибавочная стоимость» (*surplus value, additional value*). Но дело не в словах, а в научных понятиях. Что же касается этих последних, то всякий сведущий и беспристрастный человек вынужден будет признать, что, напр., Годскин, по меньшей мере так же далеко отстоит от Маркса, как Родбертус. Теперь уже перестали называть Маркса учеником Родбертуса; следует думать, что скоро перестанут называть его учеником английских социалистов 20-х годов прошлого века²⁾. Однако, довольно об этом. Хотя Маркс и не был «учеником» Годскина, Томпсона или Грэя, но все-таки в высшей степени важно для истории социалистической теории то обстоятельство, что эти английские социалисты достигли редкой для своего времени ясности политико-экономических понятий и даже,—как замечает тот же Маркс,—сделали немаловажный шаг вперед по сравнению с Рикардо. В этом отношении они далеко опередили утопических социалистов Франции и Германии. Если бы наш Н. Г. Чернышевский был знаком с ними, то он, вероятно, перевел бы не Милля, а кого-нибудь из них.

1) *The history of trade unionism*. London, 1894, p. 147.

2) Как относится, на самом деле, Годскин к Марксу, видно из той,—заметьте весьма сочувственной,—критики, которой подвергаются взгляды Годскина в уже указанном мною 3 томе: „*Theorien über den Mehrwert*“. В политической экономии Маркс так же относится к английским социалистам, как в научном объяснении истории к Огюстену Тьерри, Гизо или Минье. И тут и там — не учителя, а только предшественники, подготовившие некоторый,— правда, весьма ценный,— материал для теоретического здания, построенного впоследствии Марксом. Что же касается предшественников Маркса, то в истории научного решения вопроса об эксплуатации наемного труда капиталом не следует ограничиваться английскими социалистами первой половины XIX века. Уже некоторые английские писатели XVII столетия обнаруживают довольно ясное понимание природы и происхождения этой эксплуатации (смотри, например, „*The Jaw of Freedom in a Platform; Or, Vnl Magistracy Restored Humbli presented to Oliver Cromwel By Jerard Winstanley*. London 1651“, p. 12; смотри также „*Proposals for Raising College of Industry of all y seful Trades and Husbandry Fouth*“. London, Uith Profit for the Rich, a Plentiful Living for the Poor, and a good Education for 1695, p. 21; наконец, „*Essais About the Poor, Manufactures, Trade Plantations and Immorality*, etc. By John Bellers“. London, 1699, p. 5-6). Странно, как никто еще не удосужился сделать то открытие, что Маркс заимствовал свою экономическую теорию у авторов только что названных мною сочинений.

Французский утопический социализм

I.

Между тем, как в Англии второй половины XVIII века совершалась «промышленная революция», во Франции происходила ожесточенная борьба третьего сословия со старым порядком. Третье сословие охватывало тогда, по известному выражению, весь французский народ, за исключением «привилегированных». Борьба с «привилегированными» являлась политической борьбой. Когда политическая власть была вырвана из рук «привилегированных» третьим сословием, оно, естественно, воспользовалось ею для устранения всех тех экономических и социальных учреждений, совокупность которых составляла основу старого политического порядка. В борьбе с этими учреждениями существенно заинтересованы были все весьма разнообразные элементы населения, входившие в состав третьего сословия. Поэтому все передовые французские писатели XVIII века сходились между собой в осуждении старого социально-политического порядка. Но это не все. Сходясь между собой в его осуждении, они мало различались один от другого и во взгляде на желательный для них новый общественный строй. Само собой разумеется, что в передовом лагере не могло не быть известных оттенков мнений. Однако, не смотря на эти оттенки, передовой лагерь единодушно стремился к водворению того общественного порядка, который мы называем теперь буржуазным. Сила этого единодушного стремления была так велика, что перед ней склонялись в то время даже люди, не сочувствовавшие буржуазному идеалу. Вот пример.

Очень известный тогда аббат де-Мабли, в своей полемике с физиократами, высказался против частной собственности и против тесно связанного с нею общественного неравенства. Он, по его собственным словам, «не мог расстаться с приятной идеей общности имущества». Иначе сказать, он защищал коммунизм. Но этот убежденный коммунист счел своей обязанностью заявить, что идея общности имущества казалась ему неосуществимой. «Никакая человеческая сила,—писал он,—не могла бы попытаться теперь восстановить равенство, не причинив беспорядков, гораздо более значительных, нежели те, которые она захотела бы устранить»¹⁾. Такова была сила вещей: даже признавая в теории преимущество коммунизма, приходилось довольствоваться мыслью о замене старого порядка не коммунистическим, а буржуазным.

¹⁾ Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. Par Monsieur l'Abbé de Mably. A la Haye MDCC LXVIII, p. 15.

Когда революция доставила торжество буржуазному порядку, немедленно началась взаимная борьба разнородных элементов, входивших в состав третьего сословия. Тот общественный слой, который представлял собою тогда зародыш нынешнего пролетариата, вступил в войну с «богатыми», поставленными им за одну скобку с аристократией. Хотя наиболее выдающиеся политические представители этого слоя, — например, Робеспьер и Сэн-Жюст, были совершенно чужды коммунистических идей, но в лице «Гракха» Бабефа коммунизм все-таки выступил на историческую сцену в последнем акте великой революционной драмы. Составленный Бабефом и его единомышленниками «Заговор Равных» являлся как бы прологом той, до сих пор неоконченной, борьбы между пролетариатом и буржуазией, которая составляет одну из самых характерных черт внутренней истории Франции XIX стол. Впрочем, нет. «Заговор Равных» точнее будет назвать прологом пролога этой борьбы. В рассуждениях Бабефа и его единомышленников мы встречаем только слабые, смутные намеки на понимание исторической сущности осужденного ими на гибель нового общественного порядка. Они знают и на разные лады повторяют одно: «в истинном обществе не должно быть ни бедных, ни богатых». А так как в обществе, созданном революцией, есть и бедные и богатые, то революция не может считаться оконченной до тех пор, пока это общество не уступит места истинному обществу¹⁾. Как далеки идеи «бабувистов» от тех идей, с которыми мы познакомились, изучая английский утопический социализм, очень хорошо видно из следующего. Английские социалисты приписывают огромное историческое значение тому факту, что в распоряжении новейшего общества находятся могучие производительные силы. Наличие таких сил впервые дает, по их мнению, практическую возможность так преобразовать общество, чтобы в нем не было ни бедных, ни богатых. В противоположность этому, некоторые бабувисты охотно мирятся с тем предположением, что осуществление их коммунистического идеала поведет за собой «гибель всех искусств», т. е., стало быть, между прочим, и технических. Манифест «Равных» прямо говорит: «пусть погибнут, если это нужно, все искусства, лишь бы только у нас осталось действительное равенство»²⁾. Правда, этот манифест, написанный С. Маршалем, не нравился многим бабувистам и даже не распространялся ими. Но сам Буонаротти сообщает, что, защищая план коммунистического переворота, он, вместе с Лобоном, Дартэ и Лепеллетье рассуждал так: «Говорят, что пера-

¹⁾ См. *Analyse de la doctrine de Babeuf, tribun du peuple, proscrit par le directoire executif, pour avoir dite la verité*, напечатанный в приложении к известной книге Ф. Буонаротти: *Gracchus Babeuf et la conjuration des egaux*. У меня в руках ее парижское, несколько сокращенное издание 1869 г.

²⁾ *Gracchus Babeuf etc.*, p. 70

венство ускорило прогресс полезных искусств; но если бы это и было верно, то все-таки оно теперь должно прекратиться, потому, что новые успехи этих искусств отныне уже ничего не прибавят к действительному счастью людей»¹⁾. Это значит, что отныне человечество уже не имеет значительной нужды в развитии техники. Вероятно, Маркс и Энгельс имели в виду, между прочим, подобные рассуждения бабувистов, когда говорили в своем «Манифесте коммунистической партии», что революционная литература, сопутствовавшая первым движениям пролетариата, являлась реакционной, проповедуя всеобщий аскетизм и установление первобытного равенства. Эта аскетическая черта отсутствует в сочинениях французских социалистов XIX столетия. Напротив, мы встречаем у них весьма сочувственное отношение к техническому прогрессу. Можно, пожалуй, сказать, что даже странные и,—нечего греха таить, смешные мечты Фурье об антильвах, анти-акулах, анти-бегемотах и других подобных им добрых животных, которые явятся со временем к услугам человечества и тем увеличат удобства его жизни, были не более, как одетым в крайне фантастический костюм признанием важности и беспредельной обширности будущего технического прогресса. Но при всем том,—и это имеет огромную важность для истории теории,—французские социалисты-утописты в огромном большинстве случаев далеко уступают английским в понимании истинной природы непосредственных общественно-экономических результатов современного им прогресса техники.

II.

Английские социалисты держались, как мы знаем, того взгляда, что рост производительных сил все более и более углубляет разделение общества на два класса: класс «богатых», с одной стороны, и «бедных»—с другой. При этом классовая противоположность «богатых» «бедным» представлялась им, как противоположность класса предпринимателей классу наемных рабочих. Предприниматели присваивают себе большую часть стоимости, создаваемой трудом рабочих. Это было ясно уже Чарльсу Голлю, но лишь постепенно выяснялось французским социалистическим писателям. Да и те французские социалисты, которые поняли, что важнейшее противоречие современного общества есть противоречие интересов капитала с интересами наемного труда, никогда не представляли себе этого противоречия с той ясностью, о какой свидетельствуют сочинения Томпсона, Грэя или Годскина.

Сэн-Симон²⁾ явился прямым продолжателем того дела, которое делалось идеологами третьего сословия XVIII века. Он говорил не о том, что предприниматели эксплуатируют рабочих,

¹⁾ Там-же. стр. 49—50.

²⁾ Род. 17 окт. 1760 г., ум. 19 мая 1825 г.

а только о том, что предприниматели и рабочие, вместе взятые, подвергаются эксплуатации со стороны праздного класса, в состав которого входили, главным образом, аристократия и бюрократия. Предприниматели были в глазах Сэн-Симона естественными представителями и защитниками интересов рабочих. Его ученики пошли дальше его. Анализируя понятие «праздный класс», они отнесли к его составу не только землевладельцев, эксплуатирующих «трудящийся класс» путем получения от него поземельной ренты, но также и капиталистов. Однако,—заметьте это,—под капиталистами они понимают только тех лиц, доход которых составляется из процентов на капитал. Прибыль предпринимателя совпадала, по их учению, с заработной платой¹⁾. Совершенно такую же неясность взгляда мы встречаем,—при том спустя четверть века—у Прудона²⁾. В марте 1850 года он писал: «Объединение буржуазии с пролетариатом означает теперь, как и прежде, освобождение крепостного, оборонительный и наступательный союз промышленников с трудящимися против капиталистов и дворянина». Яснее смотрит на дело Луи Блан³⁾. У него интересующая нас общественная противоположность является в виде противоположности буржуазии народу. Но говоря о буржуазии, он имеет в виду «совокупность таких граждан, которые, обладая орудиями труда или капиталом, работают с помощью принадлежащих им средств и зависят от других только в известной мере».

Что значит это «только»? И как понимать ту мысль Луи Блана, что граждане, совокупность которых составляет буржуазию, работают с помощью принадлежащих им средств. Значит ли это, что у него речь идет только о мелкой—ремесленной—буржуазии. Или это надо понимать в том смысле, что Луи Блан, подобно сэн-симонистам, смотрел на прибыль предпринимателя, как на плату за его труд. На это нет ответа. Народ определяется у Луи Блана, как «совокупность граждан, которые, не обладая капиталом, вполне зависят от других в том, что касается первых потребностей жизни»⁴⁾. Это не вызывает возражений само по себе. Но «зависеть от других» можно весьма различно, поэтому выдвигаемое Луи Бланом понятие народа не совпадает с тем гораздо более точным понятием наемного рабочего, с которым оперировали в своих исследованиях английские социалисты. Впрочем, Луи Блан вообще мало интересовался экономическими понятиями. Несравненно внимательнее относились к ним Жан Рейно⁵⁾ и Пьер Леру⁶⁾, оба принадлежавшие прежде к школе

1) См. «Le Producteur», т. I, стр. 245.

2) Род. в 1809 г., ум. в 1865 г.

3) Род. в 1811 г., ум. в 1882 г.

4) «Histoire de dix ans». 1830—1840, 4-е изд., т. II, р. I. Примечание.

5) Род. в 1806 г., ум. в 1863 г.

6) Род. в 1797 г., ум. в 1871 г.

сэн-симонистов, но рано переставшие довольствоваться ее учением. Рейно утверждал, что народ состоит из двух классов, противоположных друг другу по своим интересам: пролетариата и буржуазии. Пролетариями он называл «людей, которые производят все богатство нации, не имея никакого другого дохода, кроме платы за свой труд». Под буржуа он понимал «людей, которые обладают капиталами и живут на доход с них». Признавая правильность этих определений, Пьер Леру попытался даже определить число пролетариев. По его расчету вышло, что их было во Франции до 30 миллионов¹⁾. Это, разумеется, слишком много. Такого числа пролетариев далеко нет и в нынешней Франции. Преувеличенность расчета объясняется тем, что к пролетариату Леру отнес не только крестьян, но и нищих, которых было, по его словам, до четырех миллионов. Подобную же ошибку сделал и Рейно, причисливши к пролетариату «деревенских крестьян», вопреки своему собственному определению понятия «пролетарий». В этом вопросе взгляды Рейно и Леру очень близки к взглядам наших трудовиков. Читатель сам понимает, почему экономические взгляды французских социалистов утопического периода не отличались ясностью свойственной понятиям социалистов Англии: отличительные черты капиталистических отношений производства были выражены в Англии гораздо резче, нежели во Франции.

Ясность экономических взглядов, свойственная тогдашним английским социалистам, не мешала им питать ту уверенность, что пролетариат и буржуазия—классы прямо противоположные один другому по своим экономическим интересам,—могут в полном взаимном согласии взяться за дело общественной реформы. Английские социалисты видели наличность классовой борьбы в нынешнем обществе. Но они решительно осуждали ее и ни в каком случае не хотели приурочивать к ней осуществление своих реформаторских планов. В этом отношении не было никакой разницы между ними и большинством французских социалистов. Сэн-Симон и сэн-симонисты, Фурье и фурьеристы, Кабе, Прудон и Луи Блан, все они, сильно сходясь между собой по многим вопросам, были безусловно согласны в том, что общественная реформа предполагает не борьбу между классами, а их полное примирение.

Ниже мы увидим, что не все французские социалисты утописты отвергали классовую борьбу. Но теперь нам необходимо запомнить, что большинство их относилось к ней отрицательно, и что это их отрицательное отношение к ней объясняет, почему они и слышать не хотели о политике.

Наиболее выдающийся ученик Фурье, Виктор Консидэран²⁾, с радостью констатировал в половине тридцатых годов упадок во

¹⁾ См. „De la plutocratie“ Boussac 1848, p. 25. — Первое издание этой книги вышло в 1843 г.

²⁾ Род. в 1808 г., ум. в 1893 г.

французском населении интереса к политике, объясняя его «теоретическими» ошибками политиков: эти последние, вместо того, чтобы искать средства для примирения интересов, поддерживали их взаимную борьбу, «выгодную», по словам Консидэрана, — лишь для тех, которые торгуют ею¹). Мирное настроение большинства социалистов-утопистов представляется, на первый взгляд, странным во Франции, где еще так недавно редела буря великой революции, и где передовые люди, казалось бы, должны были особенно дорожить революционной традицией. Но при ближайшем рассмотрении становится несомненным, что именно воспоминание о недавней революции и предрасполагало передовых идеологов, подобных Консидэрану, к исканию таких средств, которые могли бы положить конец классовой борьбе. Мирное настроение этих идеологов являлось психологической реакцией против революционных увлечений 1793 г. В своем огромном большинстве французские социалисты-утописты приходили в ужас при мысли о таком обострении взаимной борьбы интересов, какими ознаменовался этот, всем тогда хорошо памятный год. Уже в первом своем сочинении: «*Théorie des quatre mouvements et des destinées sociales*», вышедшем в 1808 г., Фурье с негодованием говорил о «катастрофе 1793 года» «приблизившей, — по его выражению, — цивилизованное общество к состоянию варварства». С своей стороны, Сэн-Симон, еще раньше Фурье, называл французскую революцию ужасающим взрывом и величайшим из всех бичей²). Такое отношение к «катастрофе 1793 года» даже вызвало у Фурье отрицательный взгляд на просветительную философию XVIII века, которой он был обязан, однако, всеми основными положениями своей собственной теории. Сэн-Симон тоже не одобрял названной философии, по крайней мере, постольку, поскольку она представлялась ему разрушительной, и постольку он делал ее ответственной за события 1793 года. Важнейшей задачей общественной мысли XIX века являлось, по мнению Сэн-Симона, исследование о том, какие меры надо принять, «чтобы положить конец революции»³). В 30-х и 40-х годах его последователи старались решить ту же задачу. Разница была лишь в том, что у них речь шла уже не о революции конца XVIII столетия, но о революции 1830 года. Одним из главных доводов их в пользу социальной реформы было то соображение, что она («*association*», «*organisation*») остановит революцию. Призраком революции пугают они своих противников. В 1840 году Анфантэн ставил сэн-симонистам в заслугу то, что в тридцатых годах они, при виде пролетариата, только что испробовавшего свои силы в успешном восстании против трона, кричали: «*Voici les barbares!*» (Варвары идут). И он с гордостью

1) «*Débaîcle de la politique en France*». Paris. 1836, p. 16.

2) *Oeuvres choisies de C. H. de Saint-Simon*, t. I Bruxelles. 1859, pp. 20—21.

3) Курсив наш.

прибавляет, что и теперь, десять лет спустя, он не перестает повторять тот же крик: «Варвары идут»¹⁾).

III.

Появление на исторической сцене пролетариата равносильно появлению на ней «варваров». Так думал Анфантэн. Так думало большинство французских социалистов-утопистов²⁾. И это очень характерно для их образа мыслей вообще и для их отношения к политической борьбе в частности. Социалисты-утописты горячо отстаивали интересы рабочего класса. Они беспощадно разоблачали многие противоречия буржуазного общества. Под конец своей жизни Сэн-Симон учил, что «все общественные учреждения должны иметь целью нравственное, умственное и физическое улучшение класса наиболее многочисленного и наиболее бедного». Фурье с благородным негодованием твердил, что положение рабочих в цивилизованном обществе хуже, нежели положение диких зверей³⁾. Но, оплакивая печальное положение рабочего класса и всеми силами души стремясь помочь ему, социалисты-утописты не верили в его самостоятельность, а когда верили в нее то она пугала их. Как мы только что видели, для Анфантэна появление пролетариев было равносильно нашествию варваров. Сэн-Симон еще в 1802 году писал, обращаясь к «классу не имеющему собственности»: «Посмотрите, что произошло во Франции в то время, когда там господствовали ваши товарищи: они породили голод»⁴⁾.

Интересный контраст: вплоть до февральской революции 1848 года идеологи буржуазии отнюдь не были противниками политической борьбы классов. В 1820 году Гизо писал, что средний класс должен овладеть политической властью, если желает обеспечить свои интересы в борьбе с реакционерами, которые, с своей стороны, стремятся захватить власть и воспользоваться ею сообразно своим интересам⁵⁾. А когда реакционеры упрекнули его в том, что, проповедуя борьбу классов, он будто бы возбуждает дурные страсти, они услышали от него, что история Франции «сделана» войною классов, и что им стыдно забывать эту историю только потому, что «ее выводы» оказались неблагоприятными для них⁶⁾. Гизо верил в самостоятельность «среднего класса», т. е. буржуазии, и несколько не боялся этой самодея-

¹⁾ „Correspondence politique“, 1835—1840. Paris. 1819. p. 6

²⁾ Отголосок такого взгляда на пролетариев слышится также в некоторых рассуждениях А. И. Герцена.

³⁾ „Oeuvres complètes de Ch. Fourier“, Paris. 1841, t. IV. pp. 191—192.

⁴⁾ „Oeuvres choisies“ t. I. p. 27.

⁵⁾ „Du gouvernement de la France et du ministère actuel“ Paris. 1820; p. 237.

⁶⁾ См. „Avant-propos“ третьего издания только что цитированного сочинения „Du gouvernement de la France“.

тельности. Поэтому он доказывал необходимость политической борьбы классов. Конечно, и он отнюдь не одобрял «катастрофы 1793 года»: далеко нет. Но до поры до времени он считал ее повторение невозможным. В 1848 году он иначе стал смотреть на этот вопрос, и тогда он, в свою очередь, сделался сторонником социального мира. Так совершался и видоизменялся ход развития общественной мысли в связи с ходом развития общественной жизни. Теперь пора напомнить читателю: социалистическое меньшинство тогдашней Франции вовсе не было ни против политики, ни против классовой борьбы. Меньшинство это значительно отличалось по образу мыслей от большинства, о котором я до сих пор говорил. Оно происходило по прямой линии от Бабефа и его единомышленников. Один из деятельных участников «Заговора Равных», потомок Микель-Анджело, Филиппо Буонаротти¹⁾, тосканец, сделавшийся французским гражданином по постановлению Конвента, явился в утопическом социализме XIX века носителем революционной традиции бабувистов. Изданное им в 1828 году в Брюсселе и уже упомянутое мною выше сочинение «*Histoire de la conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf, suivie du procès, auquel elle a donné lieu*» имело огромное влияние на образ мыслей революционного меньшинства французских социалистов²⁾. Уже тот факт, что меньшинство это подчинилось влиянию одного из бывших участников «Заговора Равных», показывает, что, в отличие от большинства, оно не смущалось воспоминаниями о катастрофе 1793 года. Самый знаменитый представитель этого меньшинства, Огюст Бланки³⁾, до конца своей долгой жизни остался неукротимым революционером. Если Сэн-Симон настаивал на необходимости таких мероприятий, которые положили бы конец революции, и если в этом отношении с ним было вполне согласно большинство французских социалистов, то меньшинство их, испытывавшее на себе влияние бабувизма, вполне разделяло мнение «Равных», что революция еще не кончена, так как богатые захватили все жизненные блага. Тут и коренится главное различие между двумя направлениями французского утопического социализма: одним хотелось положить конец революции, другие стремились продолжать ее. Те, которые хотели положить конец революции, естественно, стремились к тому, чтобы согласить все борющиеся между собой общественные интересы. Консидэран писал: «Для каждого класса лучшее средство обеспечения его частных интересов заключается в том, чтобы связать их с интересами других классов»⁴⁾. Так

¹⁾ Род. в 1761 г. в Лизе, ум. в 1837 г. в Париже.

²⁾ Об этом см. в книге И. Чернова: «*Le parti républicain en France*», 1901, pp. 80—80, 281—292. Надо заметить, впрочем, что у г. Чернова неправильно характеризуется отношение Бланки к бабувизму и к сэн-симонизму.

³⁾ Род. в 1805 г., ум. 1 янв. 1881 г.

⁴⁾ «*Débat de la politique en France*». Курсив Консидэрана; p. 63.

думали все мирные социалисты-утописты. Они расходились между собой лишь по вопросу о том, какие же меры следует принять, чтобы согласить интересы всех классов общества. Почти каждый из мирных основателей социалистических систем придумывал свой особый план для обеспечения интересов имущего класса. Напр., Фурье рекомендовал так распределять продукт труда в будущем обществе, чтобы на долю трудящихся приходилось пять двенадцатых, на долю капиталистов — четыре двенадцатых и, наконец, на долю представителей таланта — три двенадцатых всей совокупности названного продукта. И все остальные мирные утопические планы распределения неизменно делали те или другие уступки капиталистам: иначе интерес имущего класса остался бы не обеспеченным, вследствие чего утратила бы всякое основание надежда на мирное решение социального вопроса. Не принимать во внимание интересов капиталистов, — вообще «богатых», — могли только те социалисты, которые не боялись потерять эту надежду, т. е. те, которые предпочитали революционный способ действия. Такой способ предпочитали «бабувисты» в конце XVIII века, и к нему же склонились в XIX столетии французские социалисты, испытавшие на себе влияние бабувистов. Не находя нужным шадить интерес «богатых», люди этого образа мыслей прямо объявляли себя не только революционерами, но также и коммунистами. Вообще, в течении рассматриваемой эпохи понятие «социализм» расходилось во Франции с понятием «коммунизм» именно в том, что в своих проектах будущего общественного устройства социалисты допускали известное, — иногда очень большое, имущественное неравенство, а коммунисты отвергали его.

Как мы только что видели, склонность к революционному образу мыслей должна была облегчить французским реформаторам усвоение коммунистической программы. И в самом деле, революционеры в роде Теодора Дезами¹⁾ и Огюста Бланки держались коммунизма. Однако не все коммунисты были революционерами. Наиболее видным представителем мирного коммунизма был Этьен Кабэ²⁾. Он самым выпуклым образом выразил мирную тенденцию

¹⁾ О нем мало говорят историки французского социализма, хотя взгляды его заслуживают в некоторых отношениях большого внимания. К сожалению, недостаток места не позволяет и мне изложить здесь его учение. Скажу лишь вот что: оно яснее всякого другого показывает, как тесна была идейная связь французских социалистов-утопистов и особенно их левого крыла — коммунистов, с французскими материалистами XVIII века. Дезами опирается, преимущественно, на Гельвеция, которого он называет мужественным новатором и бессмертным мыслителем. Главное сочинение Дезами: „Code de la commune“ вышло в Париже в 1843 г. В 1811 г. он издавал газету „L'Humanitaire“. Интересно, что Маркс, в своей полемике с братьями Бауэрами, называет направление Дезами научным.

²⁾ Род. в 1788 г., ум. в 1856 г.

большинства французских социалистов, сказав: «Если бы революция была у меня в руке, то я не разжал бы руки даже в том случае, если бы мне пришлось умереть в изгнании»¹⁾).

Подобно просветителям XVIII века, Кабэ верил во всемогущество разума. Он рассчитывал, что выгоды коммунизма могут быть поняты и оценены даже имущим классом. Коммунисты-революционеры не надеялись на это и поэтому проповедывали классовую борьбу.

Впрочем, не надо думать, что их тактика была похожа на тактику нынешней международной социал-демократии, тоже, как известно, не отвергающей ни классовой борьбы, ни политики. Они были заговорщиками по преимуществу.

В истории международного социализма едва ли можно найти другого такого типичного заговорщика, каким был Огюст Блашки. Тактика заговоров отводит мало места для самостоятельности массы. Хотя французские коммунисты-революционеры больше рассчитывали на массу, нежели современные им мирные социалисты, но, согласно их представлению о будущем преобразованном обществе, масса должна была только поддерживать заговорщиков, главное же действие должно было целиком исходить от этих последних²⁾. Заговорщицкая тактика всегда служит безошибочным показателем неразвитости рабочего класса. Она отходит в область прошлого, когда он достигает известной степени зрелости.

IV.

Социалисты-утописты всех оттенков твердо верили в прогресс человечества. Мы знаем, каким ободряющим образом действовала на молодого М. Е. Салтыкова та мысль Сэн-Симона, что золотой век находится не позади, а впереди нас. Но твердая вера в прогресс свойственна была так же и просветителям XVIII в.: достаточно напомнить благородного Кондорсэ. Отличительной чертой социализма служит, собственно, не вера в прогресс, а убеждение в том, что прогресс ведет к устранению «эксплуатации человека человеком». Оно настойчиво повторяется в речах и сочинениях сэн-симонистов³⁾. «В прошлом,—говорили они,—общественный строй всегда, в большей или меньшей степени, основывался на эксплуатации человека человеком; отныне, самый

¹⁾ „Voyages en Icarie“. 1815, p. 565. Курсив в подлиннике. Первое издание этой книги (Путешествие в Икарию), вышло в марте 1812 г. Это — самое известное из всех сочинений Кабэ; в нем описывается жизнь воображаемого коммунистического общества.

²⁾ Об отношении Ф. Буонаротти к народной самостоятельности см. интересное замечание у Paul Robique: Buonarrotti et la secte des Égaux d'après des documents inédits. Paris, 1910; p. 22.

³⁾ У самого Сэн-Симона можно найти только намеки на него; как уже сказано, сэн-симонисты в некоторых отношениях пошли значительно дальше своего учителя.

важный прогресс будет состоять в прекращении этой эксплуатации, в каком бы виде она ни представлялась»¹⁾. К этому же стремились и социалисты всех других школ. В своих планах общественного устройства они далеко не всегда подходили вплотную к этой цели. Как мы уже знаем, планы эти часто мирились с известным общественным неравенством, которое могло, в последнем счете, основываться лишь на «эксплоатации человека человеком». Только коммунисты избежали этой непоследовательности, объясняющейся, с одной стороны, стремлением примирить интересы всех классов, чтобы избежать классовой борьбы, а с другой—неясным пониманием того, в чем собственно заключается экономическая сущность названной эксплуатации. Коммунист Дезами, не без основания, ставил на вид сэн-симонистам, что их «аристократия способностей» и «политическая теократия» на практике привели бы почти к тому же, что мы видим в нынешнем обществе²⁾. Но дело было не в планах будущего общественного устройства, которые ведь, все равно, не осуществились. Важно было то, что в общественное обращение социалисты-утописты пустили великую мысль, ставшую со временем,—когда она проникла в головы рабочих,—самой могучей культурной силой XIX столетия. Проповедь этой мысли составляет едва ли не самую большую заслугу утопического социализма. На разные лады доказывая необходимость устранения эксплуатации человека человеком, утопический социализм не мог не коснуться и вопроса о влиянии этой эксплуатации на общественную нравственность. Уже английские социалисты,—особенно Оуэн и Томпсон,—немало распространялись о том, что она развращает как эксплуатируемых, так и эксплуататоров. Та же самая тема занимает большое место в сочинениях французских социалистов. Оно и понятно. Если характер человека определяется условиями его развития,—а это повторяли все без исключения социалисты-утописты,—то ясно, что он будет хорош только в случае, если станет развиваться при хороших условиях. Чтобы эти условия были хороши, надо устранить недостатки нынешнего общественного устройства. Социалисты-утописты XIX в. отвергали аскетизм, в тех или других выражениях провозглашая «реабилитацию плоти»³⁾. Им приписывали, на этом основываясь, стремление «разнуздать дурные страсти», обеспечить торжество низших потребностей человека над высшими. Это—неумная клевета. Социалисты-утописты никогда не пренебрегали духовным развитием людей.

¹⁾ См. *Doctrine Saint-Simonienne*, Exposition. Paris. 1851. p. 207.

²⁾ *Code de la communauté*, p. 19.

³⁾ Иногда эта «реабилитация» сама представлялась в утопическом виде. Пример некоторые фантазии Анфантена на тему о взаимных отношениях полов. Но по своему существу она означала намерение «здесь, на земле, основать царство небесное», как выразился впоследствии Гейне. (См. между прочим, *De l'Humanité* Пьера Леру, т. I, стр. 176 и след.; издание 1845 г.).

Некоторые из них прямо говорили, что именно в интересах духовного развития нужна, как его предварительное условие, социальная реформа. Уже у сэн-симонистов мы находим поразительно меткие указания на то, как низко стоят шансы нравственности в нынешнем обществе. По их словам, оно не умеет предупреждать преступлений, а умеет только наказывать их; поэтому, «палач является единственным патентованным профессором нравственности»¹). Интересно, что отвергая «палача», сэн-симонисты вообще отвергали насилие, как средство улучшения человеческой нравственности. И в этом с ними опять были согласны социалисты всех других школ. Даже коммунисты-революционеры признавали насилие лишь в смысле средства для устранения препятствий, стоящих на пути к общественному преобразованию. Они также энергично, как и сэн-симонисты, отрицали способность «палача» быть «профессором» общественной нравственности. Они также хорошо понимали, что преступления предупреждаются не наказанием, а только устранением тех общественных причин, которые располагают ко злу волю человека. В этом смысле, самые крайние революционеры, самые неутомимые заговорщики были убежденными проповедниками «непротивления злу насилием».

V.

Чрезвычайно важны также взгляды социалистов-утопистов на воспитание. Мы уже знаем, как тесно связаны были у Р. Оуэна заботы о воспитании молодого поколения с его учением об образовании человеческого характера. Но это учение разделялось социалистами всех стран. Неудивительно, что все они приписывали воспитанию огромную важность. Из французских социалистов-утопистов самые глубокие взгляды на воспитание высказал Фурье.

Человек не рождается испорченным, его портят обстоятельства. Ребенок имеет в зародыше все страсти, свойственные взрослому человеку. Надо не подавлять их, а уметь дать им надлежащее направление. «При надлежащем направлении страсти станут, — говорил Фурье, — источником всего доброго, великого, полезного и великодушного». Но нельзя, как следует, направить их при нынешнем общественном порядке. Его противоречия ставят педагога в безвыходное положение, вследствие чего воспитание есть теперь лишь пустое слово. Дети бедняков не могут быть воспитываемы так же, как воспитываются дети богатых и привилегированных людей. Сын бедняка выбирает свою карьеру по указаниям пужды: ему нельзя подчиняться своим естественным склонностям. Сын богатого человека имеет, правда, материальную возможность следовать своему призванию, но его характер портится под развращающим влиянием того исключительного положения, которое

¹) „Doctrinе Saint-Simonienne“, p. 235.

занимает в обществе привилегированный класс. «Воспитание перестанет быть пустым словом только тогда, когда «цивилизация»,—как называл Фурье буржуазный строй,—уступит место разумному общественному порядку». Теперь работа составляет тяжелое бремя, проклятие для трудящихся. В общине, устроенной согласно требованиям разума,— в фаланстэре,— она станет привлекательным (attrayant) занятием. Зрелище труда, с увлечением исполняемого группами взрослых, в высшей степени благотворно подействует на подрастающее поколение. Оно от младых ногтей привыкнет любить работу. И это будет тем легче для него, что дети вообще любят трудиться: они всегда охотно подражают работам взрослых. Эта их склонность найдет правильное применение только в фаланстэре. Там все детские игрушки станут в то же время орудиями труда, а всякая забава—производительным занятием. Так, без принуждения, забавляясь и подражая, ребенок научится всем тем работам, к каким он чувствует призвание. Но этого мало. Труд должен быть осмыслен знанием, а знание должно приобретаться молодым поколением в процессе полезной для общества труда. Это значит, между прочим, что, по мнению Фурье, обучение должно принять тот характер, который нынешние педагоги обозначают термином: лабораторная система. И это обучение, по возможности, происходящее под открытым небом, не будет иметь в себе ничего принудительного. Дети и юноши сами, по совершенно свободному выбору, будут определять, чему у кого им надо учиться. Только такая система обучения способна, по мнению Фурье, дать наибольшее развитие природным способностям ребенка. Ее благотворное действие будет дополнено тем, что устранение нынешних общественных противоречий даст широкий простор развитию общественного инстинкта людей. Производительность труда достигнет наибольшей высоты только там, где человек будет предаваться любимым занятиям в обществе симпатичных ему товарищей. Читатель согласится, что все эти педагогические соображения имеют большую ценность. Прибавлю еще одну очень интересную черту. Фурье находил, что уже начиная с трех—четырёх лет, детей надо приучать, посредством разного рода совместных упражнений, к размеренным движениям: нечто вроде ритмической гимнастики Жака Далькроза, везде встречаемой теперь с таким одобрением. «Размеренная или материальная гармония» была, в системе гениального французского утописта, одним из условий «гармонии страстей»¹⁾.

Утопический французский социализм, как назывался также по вопросам искусства. О них немало писали Фэн-симонисты,

¹⁾ См. Oeuvres complètes de Fourier, p. p. 3—84. О ритме—стр. 75—80.

стремившиеся сделать поэта пророком, глашатаем новых социальных истин. Но едва ли не вдумчивее всех других социалистов-утопистов отнесся к этим вопросам Пьер Леру. Леру писал, что в отличие от промышленности, имеющей целью воздействие на внешний мир, искусство служит выражением нашей собственной внутренней жизни. Другими словами, оно есть «сама наша внутренняя жизнь, которая сообщает о себе другим людям, реализуется, старается себя увековечить»¹). Исходя из этой своей мысли, Леру утверждает, что искусство не есть ни воспроизведение природы, ни подражание ей. Точно также оно не может подражать искусству, т.-е. искусство данного времени не может служить воспроизведением искусства другой эпохи. Истинное искусство всякого данного исторического периода выражает стремление именно этого периода, а не какого-нибудь другого. «Искусство растет от поколения к поколению, подобно большому дереву, которое с каждым годом поднимается все выше и выше к небу; в то же время все глубже и глубже погружая свои корни в землю»²). Принципом искусства называют прекрасное. Но это неправильно, так как художники сплошь и рядом изображают предметы некрасивые, отталкивающие или даже прямо ужасные. Область искусства гораздо шире области прекрасного, потому что искусство есть художественное выражение жизни, а в жизни далеко не все прекрасно³). Но что же значит, в таком случае, художественно выражать жизнь. По мнению Леру, это значит выражать ее посредством символов. Он вполне категоричен на этот счет. «Единственный принцип искусства есть символ,—утверждает он»⁴). Однако под символическим выражением он понимает, вообще, образное выражение жизни. Когда В. Г. Белинский говорил, что мыслитель выражает свои идеи посредством силлогизмов, а художник посредством образов, он вполне сходил с Леру⁵). Развивая дальше свои взгляды, «Петр Рыжий» приходил к тому заключению, что художник свободен, но не так независим, как это воображают иные. «Искусство есть жизнь, которая обращается к жизни». Художник совершает ошибку, если он игнорирует окружающую его жизнь. Искусство для искусства представляется Леру «особым родом эго-

¹) См. его: Discours aux artistes, появившуюся впервые в ноябрьской и декабрьской книжках *Revue Encyclopédique* за 1831 год и перепечатанную в его *Oeuvres*, Paris 1850, I. Цитированные строки находятся на стр. 66.

²) Там же, стр. 67.

³) Эта мысль высказывалась потом Н. Г. Чернышевским и гр. Л. Толстым.

⁴) Там же, стр. 65—67.

⁵) Известно, что переломные русские западники сороковых годов с огромной симпатией относились к Пьеру Леру, которого они, для остроты, окрестили «Петром Рыжим». Конечно, они сочувствовали ему не только за его литературные взгляды. Но не мешает отметить также их согласие с ним и в том, что касается основных вопросов эстетики.

изма¹⁾). Но он чувствует, что «искусство для искусства» все-таки есть плод неудовлетворенности художников окружающей их общественной средой. Поэтому он готов предпочесть его тому пошлому искусству, которое выражает низкие, — Леру говорит: «низко материалистические», — наклонности буржуазного общества. По крайней мере, он гораздо выше этого последнего искусства ставит «болезненную» поэзию, породившую «Вертера» и «Фауста» Гете. «Поэты, — восклицает он, — изобразите нам сердца такие же гордые, такие же независимые, как те, которые изображал Гете; но только поставьте этой независимости известную цель, чтобы она превратилась, благодаря этому, в героизм... Одним словом, обнаружьте перед нами во всех ваших сочинениях связь личного благополучия с судьбою общества... Сделайте из титанов Гете и Байрона людей, но не отнимайте у них, при этом, их благородного характера²⁾). В свое время взгляды эти сыграли значительную роль в истории литературного развития Франции. Так, всем известно, что они имели большое влияние на литературную деятельность Жорж-Занд. Вообще, если среди французских романтиков были люди, отвергавшие принцип искусства для искусства, — напр., кроме Жорж-Занд, Виктор Гюго, — то вполне позволительно думать, что их литературные взгляды сложились не без влияния тогдашней социалистической литературы.

¹⁾ Из статьи: *Considération sur Uerthere et en général sur la poésie de notre époque*. Соображения о Вертере и вообще о поэзии нашей эпохи, появившейся в 1839 г. и перепечатанной в первом томе сочинений Леру, стр. 331 — 451. Замечание об эгоизме искусства для искусства находится в нем на стр. 447.

²⁾ Там же, стр. 450.

Немецкий утопический социализм

I.

Во Франции и в Англии утопический социализм был, в теоретическом отношении, теснейшим образом связан с французской просветительной философией XVIII века. О немецком утопическом социализме это можно сказать только отчасти. Между немецкими социалистами были люди, взгляды которых сложились под непосредственным влиянием французского утопического социализма, и следовательно—под косвенным воздействием французских просветителей. Но между ними были также люди, общественные взгляды которых опирались на выводы не французской, а немецкой философии. Больше всех других немецких философов повлиял на ход развития немецкой социалистической теории Людвиг Фейербах. В немецком социализме была целая школа, теоретические построения которой совершенно непонятны без предварительного знакомства с философией автора «Сущности христианства» (так называемый истинный или философский социализм). Вот почему я коснусь этой школы лишь в статье о движении философской немецкой мысли от Гегеля до Фейербаха. Здесь же речь пойдет у меня только о том течении германского социализма, которое чуждалось немецкой философии и вызвано было воздействием на германские умы французской социалистической литературы. Если тогдашняя Франция далеко отставала на пути экономического развития от Англии, то Германия тащилась далеко позади Франции. В Пруссии более трех четвертей населения жило в деревнях, а во всех германских городах преобладало ремесленное производство. Новейший промышленный капитализм сделал значительные успехи только в очень немногих провинциях, напр., в Рейнской Пруссии. Правовое положение немецкого подмастерья может быть characterized словами: полная беззащитность от полицейского произвола. «Кто хоть раз побывал утром в Венском полицейском управлении,—пишет Фиоланд,—помнит, как целые сотни подмастерьев стояли по целым часам в узком коридоре, дожидаясь окончания пересмотра их «путевых книг», между тем как полицейский, с саблею или с палкою в руке, присматривал за ними, подобно надсмотрщику за рабами. Полиция и юстиция будто сговорились довести этих бедняков до отчаяния»¹⁾. Вот эти то доведенные до отчаяния бедняки, с которыми власть обращалась, по выражению того же

¹⁾ См. Bernhard'a Becker'a. Die Reaktion in Deutschland gegen die Revolution von 1848. Braunschweig 1873, s. 69.

Фиоланда, как со скотом, и явились в Германии тридцатых и сороковых годов главными распространителями идей французского социализма. Из их же среды вышел выдающийся коммунистический писатель Вильгельм Вейтлинг¹⁾ (по ремеслу портной). Взглядам Вейтлинга будет отведено здесь главное место. Но прежде, чем перейти к ним, я хочу сказать несколько слов об одном произведении даровитого, но рано умершего, Георга Бюхнера²⁾. Произведение это представляет собою «подпольное» издание и называется «Der Hessische Landbote» (Гессенский Сельский Вестник). Оно было напечатано в июле 1834 г. в тайной типографии в Оффенбахе и обращалось, главным образом, к крестьянству. Это замечательный факт. Прямых обращений к крестьянству мы не находим ни в английской, ни во французской социалистической литературе. Да и в Германии «Гессенский Сельский Вестник» остался одиноким явлением. Вейтлинг и его единомышленники писали свои сочинения для рабочего класса, т.-е. собственно для ремесленников. Только русские социалисты 70 годов прошлого века стали обращаться в своих воззваниях, главным образом, к крестьянству. Содержание «Гессенского Сельского Вестника» тоже, можно сказать, народническое. Речь идет в нем «о непосредственных народных нуждах» (чтобы употребить здесь выражение, к которому часто прибегали наши народники). Бюхнер противопоставляет в нем привольную жизнь богатого—похожую на один сплошной праздник, горькой жизни бедняка, напоминающей бесконечные трудовые будни. Затем он указывает на давящее народ бремя налогов и подвергает резкой критике существующую систему управления. Наконец, он советует народу подняться против своих притеснителей и ссылается на исторические примеры,—в особенности на французские революции 1789 и 1830 годов,—доказывающие возможность победоносного народного восстания. Революционное обращение к крестьянам не имело в то время никаких шансов успеха. Крестьяне передали властям экземпляры «Гессенского Сельского Вестника», разбросанные почью у их жилищ. Оставшаяся нераспространенной часть издания была захвачена полицией, а самому Бюхнеру пришлось спасаться бегством. Но то обстоятельство, что он говорил с крестьянами языком революционера, характерно для немецкой социалистической мысли тридцатых годов.

«Мир хижинам. Война дворцам!» восклицал Бюхнер в своем «Вестнике». Это был призыв к классовой борьбе. С таким же призывом обращался к своим читателям и Вейтлинг. Мирное настроение обнаружилось и на время стало господствовать только в сочинениях тех немецких социалистических писателей, которые

¹⁾ Род. в 1808 г., в 1819 году переселился в Америку, ум. в 1871 г.

²⁾ Род. в 1813 г., ум. в 1837 г. Это был брат известного впоследствии Людвиг Бюхнера.

вышли из философской школы Фейербаха. Проповедуя борьбу классов, Бюхнер не уяснил себе, однако, значения политики в классовой борьбе. Он не дорожил преимуществами конституционного режима. Подобно нашим народникам он боялся, что конституция, принеся с собою господство буржуазии, еще более ухудшит положение народа. «Если бы нашим конституционалистам удалось свергнуть немецкие правительства и основать единую монархию или республику¹⁾, то это создало бы у нас денежную аристократию, как во Франции. Уж пусть лучше дело останется так, как оно есть». Такой взгляд на конституцию тоже роднит Бюхнера с нашими народниками. В качестве революционера, он не был, конечно, сторонником существовавшего тогда безобразного политического порядка. Он тоже стоял за республику, но не за такую, которая привела бы с собой господство денежной аристократии. Он хотел, чтобы революция прежде всего обеспечила материальные интересы народа. С другой стороны, он считал бессильным немецкий либерализм именно потому, что тот не хотел и не умел положить интересы трудящейся массы в основу своих политических стремлений.

Для Бюхнера вопрос свободы был вопросом силы. Это та самая мысль, которую много лет спустя так хорошо развивал Лассаль в своей речи о сущности конституции.

Бюхнер написал также драму: «Danton's Todt» (Смерть Дантона). Не входя в ее литературную оценку, я замечу только, что «пафосом» этой драмы является тщетное и потому мучительное искание законосообразности в великих исторических движениях. В одном из писем к своей невесте, относящихся, повидимому, к той эпохе, когда Бюхнер работал над своей драмой, он говорил: «Уже в течении нескольких дней я каждую минуту беру за перо, но не могу написать ни слова. Я изучал историю революции. Я чувствовал себя как бы раздавленным ужасным фатализмом истории. Я вижу в человеческой природе отвратительную заурядность, в человеческих же отношениях непреодолимую силу, принадлежащую всем вообще и никому в частности. Отдельная личность есть лишь пена на поверхности волны; величие—лишь случай; власть гения—лишь кукольная комедия, смешное стремление бороться против железного закона, который в лучшем случае можно лишь узнать, но который невозможно подчинить своей воле». Утопический социализм XIX столетия не справился с вопросом о законосообразности исторического развития человечества, как не справились с ним и французские просветители XVIII века. Скажу больше. Социализм рассматриваемой эпохи потому и был утопическим, что не умел решить указанный вопрос. Однако настойчивое стремление ре-

¹⁾ Конституционалисты стремились к политическому объединению Германии, Г. П.

шить его, показывает, что Бюхнер уже не довольствовался точкой зрения утопического социализма. Когда А. И. Герцен писал свою книгу: «С того берега», он бился над тем же самым вопросом, который, гораздо раньше его, мучил Г. Бюхнера.

II.

Я сказал, что ремесленные подмастерья явились в Германии носителями французских социалистических идей. Это произошло вот как. Известно, что, окончив свое учение, подмастерья посвящали несколько лет путешествиям. Во время таких путешествий они нередко уходили за пределы Германии и, попадая в более развитые страны, примыкали к тамошним передовым общественным движениям. Во Франции они знакомились с социализмом, при чем больше всего сочувствовали его крайнему оттенку: коммунизму. Самый выдающийся теоретик тогдашнего немецкого социализма, уже упомянутый мною портной Вейтлинг, тоже испытал на себе влияние французских социалистов-утопистов и тоже сделался коммунистом. Утопический социализм апеллировал не к объективному ходу исторического развития, а к хорошим чувствам людей. Он был, как выражаются теперь немецкие писатели, социализмом чувства. Вейтлинг не составлял исключения из общего правила. Он тоже взывал к чувствам, подкрепляя свои воззвания выписками из Библии. Его первое сочинение, — *Die Menschheit wie sie ist und wie sie sein sollte* (Человечество, как оно есть и каким ему следовало бы быть), вышедшее в 1838 г., начинается словами из Евангелия: «И когда увидел Христос народ, то опечалился и сказал ученикам своим: жатвы много, а делателей мало; и так молитесь господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою». Эти слова Евангелия Вейтлинг объясняет в том смысле, что жатва есть созревающее для совершенства человечество, а обшность имущества на земле—его плод. «Заповедь любви приглашает вас к жатве,—говорит он, обращаясь к своим читателям,—а жатва к наслаждению. И если вы хотите жать и наслаждаться, то исполняете этим заповедь любви»¹⁾.

Оуэн исходил из учения об образовании человеческого характера, т. е. из известного понятия о человеческой природе. На такое же понятие опирались,—более или менее видоизменяя его каждый по своему,—французские социалисты-утописты. На него же опирается и Вейтлинг. Он исходит, следуя за Фурье, из анализа страстей и потребностей человека. На основании результатов этого анализа, он строит план будущего общества²⁾.

¹⁾ См. стр. 7 нью-йоркского издания этого сочинения, 1854 г.

²⁾ Десять крестьян образуют „Zug“ и выбирают „Zugführer“а, десять Zugführer'ов выбирают „Ackermann“а, сто Ackermann'ов выбирают „Landwirtschaftsrath“а, а он выбирает и пр. и пр. (*Die Menschheit*, стр. 32). Так

Однако он не придает своему плану безусловного значения. По его словам, такого рода планы хороши, собственно, тем, что доказывают возможность и необходимость общественной реформы. «Чем больше будет таких работ, тем больше будет у народа доказательств в ее пользу. Но лучший план мы все-таки должны будем написать своей кровью»¹⁾. Тут уже слышится более или менее смутное сознание того, что характер будущего общества определится объективным ходом общественного развития, выражающегося, между прочим, в революционной борьбе классов. Вейтлинг обращается уже не к «богатым» и даже не ко всему человечеству без различия званий и состояний, а только «к людям труда и заботы». Он резко осуждает Фурье за сделанную им в своем плане распределения продуктов уступку капиталу. Делать подобные уступки значит, по мнению Вейтлинга, класть старые заплатки на новую одежду человечества и насмехаться над нынешними и всеми будущими поколениями²⁾. Он говорил, что всякая замена старого новым есть революция. Поэтому коммунисты не могут не быть революционерами. Однако революции не всегда будут кровавыми³⁾. Мирный переворот для коммунистов более желателен, нежели кровавый. Но ход преобразования зависит не от них, а от поведения высших классов и правительств. «В мирные времена,— писал Вейтлинг,—будем учить; в бурные действовать»⁴⁾. К этой формуле он делал, однако, такие оговорки, которые показывают, что он имел не вполне ясное представление о характере пролетарского действия, равно как и о том, чему именно надо «учить» рабочих. По его словам, человечество уже вполне созрело для понимания всего того, что может помочь ему удалить нож, приставленный к его горлу. Вейтлинг осуждает то мнение Маркса, что Германия, в своем историческом движении к коммунизму, не может миновать промежуточный фазис господства буржуазии. Ему хотелось, чтобы Германия перескочила через него совершенно также, как впоследствии нашим народникам хотелось, чтобы через него перескочила Россия. В 1848 г. он никак не хотел согласиться с тем, что пролетариат должен поддерживать буржуазию в ее борьбе с пережитками феодализма и с абсолютной монархией. Убеденный в том, что всякий достаточно умен, чтобы желать удалить нож, приставленный к его

организуются в будущем обществе земледельческие работы. В такие же подробности входит Вейтлинг, описывая другие стороны его жизни. Приводить их здесь я не вижу никакой надобности.

¹⁾ Там же, стр. 30.

²⁾ См. его главное сочинение, вышедшее в конце 1812 г., „Garantien der Harmonie und Freiheit“. Оно переиздано в Берлине в 1908 г.— по случаю столетия со времени рождения Вейтлинга,—с биографическим введением и примечаниями Меринга. Отзыв о предложенном Фурье плане распределения продуктов находится на стр. 224 и 225 этого издания.

³⁾ Там же, стр. 236 и 227.

⁴⁾ Там же, стр. 235.

горлу, Вейтлинг держался теории, обыкновенно выражаемой словами: «чем хуже, тем лучше». Он думал, что чем хуже будет положение трудящейся массы, тем более станет она склоняться к протесту против существующего порядка вещей. Последующий ход развития европейского пролетариата показал, что на самом деле это совсем не так. Тем не менее теория эта целиком повторяется в рассуждениях М. А. Бакунина. В числе тех средств, которые, по мнению Вейтлинга, могут при известных обстоятельствах оказаться необходимыми в борьбе за общественное переустройство, находится одю, представляющееся теперь совсем странным. Именно Вейтлинг считает возможным, — правда, только условно, — при известных обстоятельствах «рекомендовать коммунистам обращение с босяцким элементом городского населения и применение «новой тактики», соответствующей низкому нравственному уровню этих элементов». В своем главном сочинении он выражал эту мысль лишь намеками, правда, довольно прозрачными ¹⁾. Но затем он стал выражаться яснее, построив теорию «ворующего пролетариата».

Единомышленники Вейтлинга отвергли эту теорию ²⁾. Но М. А. Бакунин создал впоследствии близкое к ней учение о «разбойнике», как оплоте революционного движения. Тому, кого слишком неприятно поразят подобные теории, я напомню, что типу великодушного и героически-смелого разбойника отводилось почетное место в романтической литературе ³⁾. Да и не только в романтической: Карл Моор Шиллера тоже был разбойником. Утопический социализм вообще заплатил довольно крупную дань фантастике.

III.

В главном сочинении Вейтлинга, вызвавшем горячие похвалы Фейербаха и Маркса, расспано не мало замечаний, свидетельствующих о том, что он яснее многих французских утопистов понимал объективную логику взаимных отношений классов в капиталистическом обществе. Немало интересных замечаний встречается и в тех первых главах его «Гарантий», где речь идет о возникновении классов и классового господства. В своем взгляде на движущие пружины общественного развития Вейтлинг остается несомненным идеалистом. Однако чувствуется, что его

¹⁾ См. „Garantien der Harmonie und Freiheit“, 235—236.

²⁾ О ней, а также об отношении к ней других коммунистов см. у Г. Адлера „Die Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland mit besonderer Rücksicht auf die einwirkenden Theorien“ Breslau, 1883, S. S. 43—44. Слешу прибавить, что сам Вейтлинг скоро перестал защищать свою „новую тактику“.

³⁾ Ср. интересные замечания на этот счет в предисловии Ивана Иванова к русскому переводу „Корсар“ (полное собрание соч. Байрона. изд. Эфрона-Брокгауза), т. II, СПб. 1904, стр. 274—276.

уже не удовлетворяет исторический идеализм, и что он с удовольствием останавливается на тех, временах приходящих ему в голову, догадках, которые намекают на возможность более глубокого объяснения хотя бы лишь некоторых отдельных сторон общественной жизни. Я уверен, что эта особенность главного труда Вейтлинга была одной из тех причин, которые обеспечили ему сочувственное отношение со стороны Маркса. Но при всем том, «Garantien» Вейтлинга отнюдь не свидетельствуют о том, что их автор много интересовался собственно экономической теорией. Он был сыном своего времени. А в его время немецкие социалисты экономией еще не занимались. «Я не думаю,—говорит Энгельс в своих воспоминаниях о немецком «Коммунистическом союзе» до—«марксовской эпохи»,—чтобы кто-нибудь из тогдашних членов Союза прочитал хоть одну книгу по экономике. Да и в этом не видели и надобности, так как равенство, братство, справедливость помогали переваливать через какую угодно теоретическую гору». Как видим, немецкие коммунисты с этой стороны совсем не походили на социалистов Англии. Не надо забывать, однако, что уже в тридцатых годах прошлого столетия в Германии был социалист, глубоко интересовавшийся экономическими вопросами и очень хорошо знакомый с политико-экономической литературой. Правда, он стоял совсем особняком. Его звали Карл Родбертус—Ягецов¹⁾.

Он сам говорил о себе, что его теория «есть лишь последовательный вывод из того, введенного в науку Смитом и еще глубже обоснованного школой Рикардо положения, согласно которому все предметы потребления, с экономической точки зрения, должны рассматриваться лишь как продукты труда, которые ничего, кроме труда не стоят²⁾». Этот свой взгляд на труд, как на единственный источник стоимости предметов потребления, он изложил уже в первой своей книге, вышедшей в 1842 году и озаглавленной: «Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände». В буквальном переводе это значит: «К познанию нашего государственно-хозяйственного состояния». Но на самом деле Родбертус занимался вовсе не государственным хозяйством в настоящем смысле этих слов. Он изучал положение рабочего в капиталистическом обществе и старался придумать такие меры, которые дали бы возможность изменить это положение к лучшему. «Главной целью моих исследований,—пишет он,—будет увеличение доли рабочего класса в национальном продукте, избавленное от изменчивых влияний рынка и построенное на прочном основании. Я хочу доставить этому классу возможность извлекать пользу из возрастания производительности труда. Я хочу устранить

¹⁾ Род. в 1805 г., ум. в 1875 г.

²⁾ Курсив у Родбертуса.

господство того закона, который иначе может оказаться гибельным для наших общественных отношений, и согласно которому заработная плата самыми условиями рынка всегда понижается до уровня насущнейших потребностей рабочего, как бы ни возвышалась при этом производительность труда. Этот уровень платы лишает рабочих возможности получить надлежащее образование и составляет самое вопиющее противоречие с их современным правовым положением, с тем формальным равенством их с прочими сословиями, которое провозглашено нашими важнейшими учреждениями¹⁾.

Так как заработная плата при современных условиях всегда понижается до насущнейших потребностей рабочего, и так как производительность труда постоянно увеличивается, то рабочий класс получает все меньшую и меньшую долю продукта, который он создает своим трудом. «Я убежден,—говорит Родбертус,—что плата за труд, рассматриваемая как часть продукта, падает, по меньшей мере, в той же, если еще не в большей пропорции, в какой увеличивается производительность труда»²⁾.

А если может быть доказано постоянное уменьшение платы рабочих,—как доли создаваемого их трудом национального продукта,—то становятся вполне понятными такие грозные экономические явления, как промышленные кризисы. И вследствие относительно понижения заработной платы покупательная сила рабочего класса перестает соответствовать развитию общественных производительных сил. Она не увеличивается или даже уменьшается, между тем, как производство растет, рынки переполняются товарами. Отсюда возникают затруднения в сбыте, застой в делах и, наконец, промышленные кризисы. Родбертуса не смущает то возражение, что покупательная сила остается в руках высших классов, и потому продолжает действовать на рынки. «Продукты теряют всякую стоимость там, где не существует в них надобности,—говорит он.—Продукт, который мог бы иметь стоимость в глазах рабочих, оказывается совершенно излишним для других классов общества и остается не проданным. В национальном производстве должна произойти временная остановка, пока скопившиеся на рынке массы товаров не разойдутся мало-по-малу, и пока направление производительной деятельности не приспособится к потребностям тех, в чьи руки перешла отнятая у рабочих покупательная сила»³⁾.

¹⁾ Назв. сочинение. стр. 25--29, примечание.

²⁾ Zur Beleuchtung der sozialen Frage. Berlin 1875. J. 25. Эта книга представляет собою перепечатку вышедших в 1850—1851 г.г. «Социальных писем к фон Кирхману». В нее вошли второе и третье письмо. Всех писем первоначально было напечатано три. Четвертое письмо вышло уже по смерти Родбертуса под названием „Das Kapital“. Berlin. 1884 г.)

³⁾ „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft“ 1878 г., erstes u. zweites Heft 315. Там перепечатана брошюра Родбертуса: „Der normale Arbeitstag“

Уменьшение доли рабочего класса в национальном продукте означает его об'единение. Родбертус не соглашается с Адамом Смитом, утверждавшим, что человек богат или беден в той мере, в какой он может обеспечить себе удовлетворение своих потребностей. Если бы это было справедливо, то вышло бы, что зажиточный немец нашего времени богаче древних королей. «Под богатством (лица или класса) нужно понимать относительную долю (этого лица или класса) в общей массе продуктов, существующей на известной стадии культурного развития народа»¹⁾.

Итак, рост общественного богатства сопровождается относительным об'единением того класса, трудом которого оно создается. Пять шестых нации не только оказываются лишенными всех благоденствий культуры, но претерпевают подчас самые страшные бедствия нищеты, непрерывно им угрожающей. В прежние исторические эпохи бедствия трудящейся массы были—допустим это—необходимы для успехов цивилизации. Но теперь это не так. Теперь рост производительных сил дает возможность устранить указанные бедствия. И вот Родбертус спрашивает в своем первом письме к Кирхману: «Может ли существовать более справедливое требование, чем требование того, чтобы творцы старого и нового богатства получили хоть какую-нибудь пользу от его увеличения; чтобы увеличился их доход или сократилась продолжительность их работы, или, наконец, чтобы все большее число их переходило в ряды тех счастливых, которые пожинают плоды их труда»? Убежденный, что нет ничего справедливее такого требования, Родбертус, с своей стороны, предлагает ряд мер для улучшения участи рабочих.

Все они сводятся к законодательному регулированию заработной платы. Государство должно устоявить ее уровень в каждой отрасли производства и затем изменить его сообразно росту производительности национального труда. Такое определение заработной платы логически привело бы его к установлению нового «масштаба стоимости».

Так как все предметы потребления, с точки зрения политической экономии, должны рассматриваться лишь как продукты труда, ничего кроме труда, не стоящие, то истинным «масштабом стоимости» может быть только труд. В нынешнем обществе продукты, благодаря колебанию рыночных цен, не всегда обмениваются один на другой сообразно количеству труда, затраченного на их производство. Это зло надо устранить государственным вмешательством. Государство должно ввести в обращение «рабочие деньги», т. е. свидетельства, констатирующие, сколько именно труда затрачено на производство данного предмета. Короче, здесь Родбертус приходит к той же самой идее организации обмена, которая возникла сначала в Англии двад-

¹⁾ „Zur Erkenntniss“, стр. 38—39.

цатых годов, а затем перешла оттуда во Францию (Прудон). Излишне распространяться о ней.

Следует, однако, прибавить, что все такого рода меры имели в глазах Родбертуса только временное значение. Он говорил, что впоследствии — лет через пятьсот — установится коммунистический строй, и тогда совсем прекратится эксплуатация человека человеком.

Предлагая свое решение «социального вопроса», Родбертус не устал повторять, что такое решение должно быть совершенно мирным. Он не верил не только в «баррикады» или в «керосин», но и в политическую самостоятельность пролетариата. Он всего ждал сверху, от королевской власти, которая, по его убеждению, должна была и могла сделаться «социальной» (soziales Königtum).

Излагая взгляды Родбертуса, я заимствовал из различных его сочинений, начиная с вышедшей в 1842 году книги: «Zur Erkenntniss» и т. д. Не мешает, однако, заметить, что все его взгляды в сжатом виде изложены были им уже в конце тридцатых годов в статье, которую он послал в «Augsburger Allgemeine Zeitung», но которой не приняла эта газета. Статья Родбертуса перепечатана в «Briefe und sozialpolitische Aufsätze» von Dr. Rodbertus — Iagezow, изд. в 1882 году в Берлине Рудольфом Мейером (см. во втором томе стр. 575—586: «Fragmente aus einem alten Manuscript»). Она интересна во многих отношениях. Но более всего заслуживает внимание в ней: во-первых, взгляд на рабочий класс, как на варваров («Barbaren an Geist und Sitte», — варвары по духу и нравам¹⁾); во-вторых, то опасение, что варвары, живущие в недрах цивилизованного общества, могут стать его господами, подобно тому, как древние варвары сделали господами Рима. Дело шло хорошо, пока государство опиралось на нынешних варваров в своей борьбе с буржуазией. Но на кого обопрется оно в борьбе с этими варварами? Долго ли эти последние будут бороться против самих себя? В интересах самосохранения общество должно совершить социальную реформу²⁾.

Родбертус боялся рабочего класса. Если бы он меньше боялся его, то он меньше склонен был бы как к своей главной утопии, — «социальной» монархии, — так и к тесно связанным с нею второстепенным утопиям, вроде «рабочих денег».

Теперь буржуазные экономисты охотно повторяют, что Маркс заимствовал свое экономическое учение у английских социалистов. Лет двадцать — двадцать пять тому назад они, тогда еще плохо знакомые с английской социалистической литературой, сделали то «открытие», что, в своем качестве экономиста,

¹⁾ Ср. приведенный выше взгляд Анфантэна.

²⁾ См. стр. 579 во втором томе только что указанного мною изд. Р. Мейера.

Маркс всем обязан Родбертусу. Одно так же неосновательно, как и другое. К тому же большая часть сочинений Родбертуса вышла в такое время, когда уже вполне сложились, в своих главных чертах, экономические взгляды Маркса. Но все-таки Родбертусу принадлежит весьма почетное место между экономистами Германии¹⁾, к которым он, мимоходом сказать, относился с глубочайшим пренебрежением.

¹⁾ О Родбертусе см. в предисловии Энгельса к немецкому переводу первоначально вышедшей по французски книги Маркса: „*Misère de la philosophie*“ („Нищета философии“); есть русский перевод, сделанный В. И. Засулич под моей редакцией: „*Theorien über den Mehrwert*“ Маркса, т. II, 2 отдел первой части (*Die Grundrente*). По русски взгляды Родбертуса излагались в начале восьмидесятых годов покойным Н. И. Зибером (в „Юридическом Вестнике“) и мною (в „Отечественных Записках“). Мои статьи о нем перепечатаны в моем сборнике „За двадцать лет“ (под псевдонимом Бельтова), стр. 503—647. См., кроме того, Т. Козака: *Rodbertus's sozialökonomische Ansichten*. Jena 1882. Georg Adler: *Rodbertus, der Begründer des wissenschaftlichen Sozialismus*. Leipzig 1883; Dietzel: *Karl Rodbertus's Darstellung seines Lebens und seiner Lehre*. Jena 1886—1887, 2 Theile; Jentsch, „*Rodbertus*“ Stuttgart. 1890; Jonner: „*Sozialphilosophy of Rodbertus*“. London 1899.

Французский утопический социализм XIX века

Различные системы и учения французского утопического социализма XIX в. очень значительно расходятся между собою по многим важным вопросам¹⁾. Тем не менее, всем им свойственны некоторые основные черты, отличающие их от международного научного социализма нашего времени. Только потому, что существуют такие, общие всем им черты, я и могу дать здесь характеристику французского утопического социализма: подробное изложение различных его учений и систем было бы тут невозможно да и неуместно.

Чтобы выяснить себе черты, общие всем разновидностям французского утопического социализма указанной эпохи, необходимо прежде всего вспомнить его историческое происхождение.

I.

Маркс говорит в своей полемике с Бруно Бауером и его единомышленниками: «Не надо большого ума, чтобы понять необходимую связь, существующую между учениями французского материализма о природной склонности к добру и о равенстве умственных способностей всех людей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии на человека внешних обстоятельств, о высоком значении промышленности, о нравственной правомерности наслаждения и т. д.—с коммунизмом и

¹⁾ Слово „социализм“ впервые появилось в английской и французской литературе в 30-х г.г. XIX в. Автор статьи „Sozialismus“ в „Encyclopaedia britannica“ (vol XXII, p. 205) утверждает, что оно обязано своим происхождением возникшей в 1835 г. в Англии „Association of all classes of all Nation“. С другой стороны Пьер Леру доказывает, что оно было употреблено в первый раз им в статье „De l'individualisme et du socialisme“, появившейся в 1831 г. (см. „Oeuvres de Pierre Leroux“, t. I. 1850, p. 375, примечание). Но надо заметить, что названное в статье слово это употребляется у Пьера Леру лишь в смысле „преувеличения идеи ассоциации“. Несколько позже оно стало обозначать всякое стремление переделать общественный строй с целью поднять благосостояние низшего класса и обеспечить социальный мир. В виду этой крайней неопределенности его значения ему часто противопоставляли коммунизм, как стремление, направленное к гораздо более определенной цели установления общественного равенства посредством обращения средств производства, а иногда также и предметов потребления в общественную собственность. В настоящее время слово „социализм“ почти заменило собою слово „коммунизм“; зато оно утратило свою первоначальную расплывчатость. Его нынешний смысл ближе к первоначальному смыслу слова „коммунизм“.

социализмом». Это замечание подтверждается у Маркса, между прочим, тем соображением, что, если человек черпает все свои ощущения, знания и т. д. из внешнего мира и из опыта, приобретаемого от этого мира, — как учили материалисты XVIII века, — то надо, стало быть, так устроить окружающий его мир, чтобы человек получал из этого мира достойные его впечатления, чтобы он привыкал к истинно человеческим отношениям, чтобы он чувствовал себя человеком. Это совершенно справедливо. Маркс вполне прав также, утверждая, что, например, Фурье «выходит непосредственно из учения французского социализма». Кто усомнился бы в этом, тому я посоветовал бы сравнить учение Фурье о страстях хотя бы с тем, что говорится о них в I главе I части «*Système sociale*» Гольбаха. Не менее интересным в этом же отношении могло бы оказаться и сравнение Фурье с Гельвецием. Но тут важно помнить вот что.

Хотя Фурье ¹⁾ непосредственно выходит из учения французского материализма, он в то же время вполне отрицательно относится ко всей просветительной французской философии XVIII века. Такое отношение к ней сказывается уже в его первом сочинении: «*Theorie de quatre mouvements et de destinées sociales*», вышедшем в 1808 г. в Лионе²⁾. Там мы читаем:

«С тех пор, как философы обнаружили свою несостоятельность в своем первом же опыте — французской революции, все согласилось между собою в том, что их философию следует рассматривать как заблуждение человеческого ума. И потоки политического и нравственного просвещения представились потоками иллюзий. Да и можно ли было найти что-нибудь другое в сочинениях тех ученых, которые, употребив двадцать пять столетий на усовершенствование своих теорий и соединив все древнее и новейшее просвещение, на первом же своем шагу породили не меньше бедствий, чем они обещали благоденствий, и приблизили цивилизованное общество к состоянию варварства. Таково было следствие первых пяти годов, в течение которых во Франции подвергались испытанию философские теории. После катастрофы 1793 г. иллюзии рассеялись»³⁾. В другом месте того же сочинения Фурье с негодованием вспоминает о тех схоластических ссорах из-за равенства (*querelles scolastiques sur l'égalité*), которые испровергали троны, алтари и законы собственности и благодаря которым Европа шла, по его словам, к варварству.

Фурье никогда не был сторонником старого порядка. Наоборот всего вернее, что он, как и все третье сословие того времени, не одобрял этого порядка и желал его устранения. Но революционная борьба различных классов тогдашнего французского

¹⁾ Родился 7 апреля 1772 г. в Безансоне. Умер в Париже 10 октября — 1837.

²⁾ На обложке обозначено: Лейпциг.

³⁾ Назван. сочин. стр. 3.

общества приняла,—особенно в 1793 г.,—такой ожесточенный характер, что запугала Фурье, а с ним и большинство его современников. Так как он считал, что ответственность за «катастрофу 1793 года» падает на просветительную философию XVIII в., то он и объявил ее совершенно несостоятельной. В своем отрицательном отношении к ней он дошел до того, что выработал себе два методологических правила: 1) «абсолютное сомнение» (*le doute absolu*) и 2) «абсолютное отклонение» (*l'écart absolu*). Абсолютное сомнение состояло в том, что он скептически относился к самым распространенным убеждениям своего времени. Например,—этот пример приводится им самим,—все различные философские направления сходились между собою в уважении к цивилизации, но Фурье решил приложить свое правило «абсолютного сомнения» и к этому предмету: он усомнился в «совершенстве» цивилизации. Он спросил себя: «может ли существовать что-нибудь более несовершенное, нежели эта цивилизация, ведущая за собою столько бедствий. Может ли быть что-нибудь более сомнительное, нежели ее необходимость и неизбежность ее существования в будущем. Не вероятно ли, что она представляет собою лишь ступень в общественном развитии»¹⁾. Раз поставив перед собою эти вопросы, он скоро пришел к тому убеждению, что «цивилизация»,—т.-е., собственно, те общественные отношения, которые свойственны цивилизованным народам,—должна уступить место другим формам общежития, и принялся обдумывать природу этих будущих форм.

Что касается «абсолютного отклонения», то оно состояло у Фурье в решении «никогда не идти по путям, проложенным недостоверными науками», т.-е. той же философией XVIII в. Интересно, что для оправдания этого своего методологического правила Фурье приводит то обстоятельство, что «недостоверные науки», несмотря на огромные успехи промышленности, не сумели даже «предупредить бедность».

Однако, уже самое применение этих двух методологических правил показывает, что, восставая против философии XVIII в., Фурье продолжал находиться под сильнейшим ее влиянием. Так, мы знаем, что названная философия была прогрессивной по своему существу. Глубокая вера в прогресс, в способность человека и человеческого общества к совершенствованию была одной из главнейших ее отличительных черт. Фурье очень любил едко посмеяться над этой верой. Но заметьте, что применив к цивилизации правило «абсолютного сомнения», он усомнился, собственно, не в цивилизации, а только в неизбежности существования некоторых коренных недостатков, свойственных общественному строю цивилизованных народов. А когда он окончательно пришел к тому убеждению, что эти существенные недостатки

¹⁾ Там же, стр. 7.

могут быть устранены, когда он выработал план нового общественного устройства, тогда он, не переставая осмеивать учение «недостовверных наук» о способности человека и человеческого общества к совершенствованию, сам выступил энергичным работником в деле такого совершенствования. Не менее замечательно и то, что «абсолютно уклонившись» от хождения по путям, проложенным «недостовверными науками», он прежде всего столкнулся с вопросом о бедности: человек, упрекающий французскую философию XVIII века в том, что она не сумела предупредить бедность, остается верным ее духу, так как она настойчиво твердила: *salus populi—suprema lex* (благо народа—высший закон).

Но, если это так, если, резко восставая против французской философии XVIII века и зло насмехаясь над ней, Фурье, в сущности, оставался ее верным последователем и клал ее выводы в основу своих собственных построений, то спрашивается: к чему же привело его «абсолютное сомнение» и «абсолютное уклонение»?

Оно привело его, во-первых, ко многим теоретическим чудачествам, над которыми так долго упражняли свое остроумие противники социализма. «Абсолютное сомнение» привело Фурье к пренебрежению такими правилами теоретического мышления, которыми никто не может пренебрегать безнаказанно. Когда он распространяется о «двусложном бессмертии» и строит «общую лестницу метемпсихозов» (*échelle générale des metempsychoses*¹⁾); когда он уверяет нас, что «тот, кто нам дал льва, даст нам также анти-льва, на котором мы будем ездить верхом с большой быстротой»²⁾, когда он описывает хорошие стороны будущих анти-китов, анти-акул, анти-бегемотов и анти-тюленей³⁾, тогда он, очевидно, злоупотребляет «уклонением», явившимся в результате его восстания против всех прежних философов. Не будь этого восстания, он, вероятно, не обнаружил бы так много самоуверенности самоучки и постарался бы умерить полет своей фантазии.

Во-вторых, следуя правилу «абсолютного уклонения», Фурье, по его собственным словам, старался братья только за такие задачи, которых не касалась философия XVIII века. Так как эта философия много занималась политикой и религией, то Фурье, в противоположность ей, поставил себе в обязанность «искать общественного блага только в таких мероприятиях,

¹⁾ См. *Oeuvres Complètes de Ch. Fourier*. Paris, MDCCCXLI, tome II, p. 319.

²⁾ *Oeuvres complètes*. I. IV. p. 254. Фурье уверяет, что путешествуя на анти-льве, можно будет, позавтракав в Париже, пообедать в Лионе и поужинать в Марсели; надо только переменять этих добрых животных, когда они устанут.

³⁾ Там же, стр. 265.

которые не имели бы никакого отношения к администрации и духовенству, а распространялись бы только на промышленность и домашнюю жизнь и были бы согласимы со всякими правительствами, не имея нужды в его вмешательстве»¹⁾). Этим в значительной степени определен характер его социальной системы: она, в самом деле, чужда каких бы то ни было политических стремлений.

Но и это еще не все. Так как восстание Фурье против французской философии XVIII века было вызвано тем, что он считал ее виновницей «катастрофы 1793 года», то он не только подчеркивал при каждом удобном (а, пожалуй, даже и неудобном) случае, что его система чужда всяких революционных стремлений: он рекомендовал ее как единственное верное средство борьбы с этими стремлениями. В первый том его книги: «*La Suisse industrie, morcelée, répugnante, mensongère et l'Antidote, l'Industrie naturelle, combinée*» и т. д. есть интересная глава: «*Notice sur les intérêts du Roi.—Moyen d'en finir de conspirations*». («Заметка об интересах короля.—Средства покончить с заговорами»). В ней Фурье доказывает, что так как адская машина является новым оружием заговорщиков²⁾, то необходимо «испробовать изобретение, которое предупреждает заговоры, создавая всеобщее благосостояние и добрые нравы» (стр. 337). Затем следует довольно подробное изложение плана нового общественного устройства. Во втором томе того же сочинения, вышедшем год спустя, та же мысль повторяется в заметке: «Общая тема в ее приложении к покушениям на жизнь коронованных особ». Фурье относит там покушения на счет просветительной философии. «В течение последних 40 лет,—говорит он,—короли находятся в борьбе с философией; они употребляют против нее лишь полумеры, которые только усиливают ее; они не умеют вызвать против нее действительную оппозицию и разоблачить ее ложное значение, противопоставив ей соперницу в лице точной науки о промышленном механизме и о судьбе общества»³⁾). Само собой разумеется, что эта точная наука есть система Фурье, которая и рекомендуется Луи-Филиппу, как лучшее средство против заговоров.

Мы сейчас увидим, что Фурье совсем не составлял в этом случае исключения между социалистами своего времени. Напротив, подобные обращения очень характерны для французского утопического социализма XIX века. Поэтому, полезно будет хорошенько выяснить себе их общую психологическую подкладку.

¹⁾ «*Theorie des quatres mouvements*», p. 8.

²⁾ Книга вышла в 1835 году и заметка написана, как видно, под впечатлением известного покушения Фиски на жизнь Луи-Филиппа (28-го июля того же года).

³⁾ Эта страница не нумерована, а следующая за ней помечена: М--616.

II.

Посмотрите, как изображает Фурье,—в своей цитированной выше книге: «*Theorie des quatre mouvements*»,—то революционное состояние общества, которое, по его словам, может быть устранено только осуществлением его плана общественной реформы.

«Да,—воскликает он,—цивилизованный порядок¹⁾ все более и более расшатывается; мы присутствуем при первом извержении вулкана, вызванном философией в 1789 г., за ним последуют другие, как только слабое царствование даст поблажку агитаторам²⁾; война бедного против богатого была так удачна, что интриганы всех стран думают только о том, чтобы ее возобновить. Напрасно стараются предупредить ее; природа смеется над нашим просвещением и над нашим предвидением; она сумеет вызвать революции посредством тех самых мер, которые принимаются нами для того, чтобы обеспечить общественное спокойствие»³⁾.

Тут каждое слово заслуживает величайшего внимания. Уже в 1808 г. Фурье видит в великой революции один из эпизодов классовой борьбы: войны бедного против богатого. Он как бы с сожалением констатирует, что война эта была удачна. Можно подумать, пожалуй, что он сочувствовал старому порядку. Но, как уже сказано выше, это не так. Старому порядку он не сочувствовал; он только отвергал борьбу классов вообще и особенно революционную борьбу классов. Он держался того убеждения, что Франция могла бы избежать великой революции, если бы те открытия, которые удалось сделать ему после «катастрофы 1793 года», были сделаны каким-нибудь другим гением еще при старом порядке и своевременно положены в основу общественной реформы. Но теперь открытия сделаны; теперь общественные потрясения могут быть предупреждены, и война «бедного против богатого» будет избегнута, если только люди, заинтересованные в сохранении общественного спокойствия, поймут преимущества придуманной Фурье общественной реформы. Поэтому он и обращается к ним, не жалея красок при изображении тех потрясений, которыми цивилизованное общество будет наказано за невнимательное отношение к его голосу.

Такова была «тактика». Она характеризуется, во-первых, своей аполитичностью; во-вторых,—вполне отрицательным отношением к классовой борьбе. Легко видеть, что между этими ее двумя главнейшими чертами

¹⁾ Мы уже знаем, что так называется у него общественный строй цивилизованных народов.

²⁾ Книга вышла в 1808 году в царствование Наполеона I, который, как известно, не давал поблажки «агитаторам».

³⁾ Назван. сочин., стр. 388.

существовала теснейшая связь. Она состояла в том, что вторая черта породила первую.

«Катастрофа 1793 г.» вызвала у Фурье отрицательное отношение к классовой борьбе. А так как политика есть орудие классовой борьбы, то естественно, что за отрицанием этой последней у нашего автора последовало отрицание политики.

Не подумайте, что мы имеем перед собою лишь частный случай в истории утопического социализма. Нет, случаев, подобных этому, так много, что у нас есть полное основание говорить об общем правиле. Вот еще один, пожалуй, менее яркий, но отнюдь не менее знаменательный.

Сэн-Симон ¹⁾ тоже смотрел на французскую революцию как на борьбу классов,—именно, класса, не имеющего собственности, с классом собственников,—и так же, как Фурье, он относился к этой борьбе очень неодобрительно. В брошюре: «*Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains*», вышедшей в 1802 г.,— т. е. за шесть лет до появления первой книги Фурье,—он называет французскую революцию ужасающим взрывом и величайшим из всех бичей ²⁾. Он распространяется о «страшных жестокостях, вызванных этим приложением принципа равенства» ³⁾ и, обращаясь к классу, не имеющему собственности, говорит: «Посмотрите, что произошло во Франции в то время, когда там господствовали ваши товарищи: они породили голод» ⁴⁾. Очевидно, и на Сэн-Симона самое сильное впечатление произведено было именно «катастрофой 1793 г.». Если Фурье ставит эту «катастрофу» в вину философам XVIII столетия, то Сэн-Симон объясняет ее невежеством класса, не имеющего собственности. Но это лишь кажущаяся разница, так как «приложение принципа равенства» было, по мнению Сэн-Симона, ничем иным, как практическим применением крайних выводов из просветительной философии. Поэтому учение Сэн-Симона было так же аполитично, как и учение Фурье ⁵⁾. В практическом отношении сэн-симонизм (первой манеры) есть ничто иное, как исследование о мерах, которые надо принять для того, чтобы положить конец революции. До

¹⁾ Родился в Париже 17 окт. 1760 г., умер там же 19 мая 1825 г.

²⁾ См. *Oeuvres choisies de C. H. de Saint-Simon*, t. I, Bruxelles, 1859, pp. 20 et 20—21.

³⁾ Там же, стр. 31.

⁴⁾ Там же, стр. 27.

⁵⁾ Громы, направляемые Фурье против «философов», посылаются Сэн-Симоном по адресу «легистов». Их «метафизические учения» объясняет по его мнению, неудачный исход французской революции. (См. «*Du système industriel, par Henri Saint-Simon*». С эпиграфом: «*Dieu a dit: aimez-vous et secourez vous les uns les autres*». Paris 1821. Préface p. I—VIII). Сэн-Симоново понятие «легист», иначе: представитель «метафизических учений», аналогично знакомому уже нам по книгам Фурье понятию: «философ», иначе: представитель «недостовверных наук». У нас это понятие обозначается теперь словами революционная интеллигенция.

какой степени Сэн-Симон чужд был всяких революционных помышлений, видно, между прочим, из следующего места его только что цитированной мною книги: «Du système industriel». На вопрос, какую силою произведены будут желательные для него перемены в общественных отношениях и кем будет направляться эта сила, он отвечает:

«Эти перемены совершаются силою нравственного чувства, и эта сила будет иметь главным своим двигателем то верование, что все политические принципы должны выводиться из общего принципа, данного людям Богом («Любите друг друга». Г. П.). Эта сила будет направляться филантропами, которые при этом случае будут, как они были во время образования христианства, непосредственными агентами Вечного».

Немного дальше Сэн-Симон прибавляет: «Единственным средством, к которому прибегнут филантропы, будет устная и печатная проповедь»¹⁾.

Подобно Фурье, Сэн-Симон, ужасающийся всякой мысли о классовой борьбе, любит подчас припугнуть своих читателей «классом, не имеющим собственности», «народом». В своем «VI письме господам промышленникам» он, изображая нежелательный оборот, который могла принять борьба промышленников с «феодализмом Бонапарта», пишет: «Кроме того, господа, нельзя без ужаса подумать, что в случае открытой борьбы он (феодализм Бонапарта. Г. П.) мог временно привлечь на свою сторону народ. Хотя вы являетесь естественными и постоянными руководителями народа, и хотя он вас признает за таковых, опыт показал, что он может встать на некоторое время под знамя военных и легистов. Вы справедливо думаете, что то влияние, которое могли бы иметь на него агитаторы, теперь (сравнительно с тем, как было во время великой революции. Г. П.) значительно уменьшилось... Но оно не совсем уничтожено. Догма турецкого равенства²⁾... еще может, если вы не примете предосторожностей, произвести большие опустошения. С помощью каких мер будете вы бороться против обольщения этой догмы, если предварительно не дадите народу точных и ясных понятий об его истинных интересах»³⁾.

¹⁾ Подчеркнуто у Сэн-Симона. См. его „Adresse aux philanthropes“ в только что названной книге, стр. 297, 298, 299 и 302. Отмечу для людей, интересующихся эволюцией идей Сэн-Симона, что уже в этой книге попадаются выражения: «le nouveau christianisme», «le christianisme définitif», и что уже в ней Сэн-Симон говорит подчас слогом писания, призывая к себе les hérétiques en moral et en politique и т. п. (стр. 310). Ниже мы увидим, как надо понимать попытку Сэн-Симона опереться на религию.

²⁾ Так называл Сэн-Симон то равенство, к которому стремились коммунисты. Он утверждал, что такое равенство возможно только в восточных деспотиях.

³⁾ «Du système industriel», стр. 205—207.

Эти строки как нельзя более убедительно показывают, что класс, не имеющий собственности, отнюдь не был тем классом, на который рассчитывал Сэн-Симон в деле осуществления своих практических планов. Точка зрения Сэн-Симона, как и точка зрения Фурье, отнюдь не была точкой зрения пролетариата.

Последователи этих двух великих основателей французского утопического социализма были вполне верны им в только что указанных мною и чрезвычайно важных отношениях. Они с негодованием отвергли всякую мысль о том, чтобы положить совершающуюся в обществе классовую борьбу в основу своих социально-реформаторских стремлений. Для примера укажу на самого талантливое последователя Фурье, Виктора Консидэрана ¹⁾.

III.

В своей брошюре «*Débaclé de la politique en France*», вышедшей в 1836 г., т.-е. еще при жизни Фурье, Консидэран определяет политику как «совокупность воюющих между собою мнений и теорий, относящихся к основным принципам правительства или к различным административным системам, которые оспаривают одна у другой портфели ради наибольшего блага нации» ²⁾. Последние слова этого определения, имеющие весьма заметный привкус иронии, показывают, что политика не имела большой цены в глазах Консидэрана, и он не только не скрывает этого, но с удовольствием замечает, что сравнительно с недавним временем интерес и уважение к политике вообще очень сильно упали во Франции ³⁾. Почему же? Вследствие некоторых теоретических ошибок политики. В чем состояли эти ошибки? Ответ: «Вместо того, чтобы заниматься исследованием о средствах, необходимых для соглашения интересов, которое принесло бы пользу всем интересам, люди (принадлежащие к различным политическим партиям. Г. П.) занимаются исключительно тем, что поддерживают и усиливают их борьбу, выгодную лишь для тех, которые торгуют этою борьбою» ⁴⁾.

Политика есть орудие классовой борьбы; Консидэран, подобно своему учителю Фурье, не хочет классовой борьбы; поэтому он, — опять-таки подобно Фурье, — отворачивается от политики. Это как нельзя более логично. В другом месте той же брошюры Консидэран выдвигает как истину, которой нельзя не признать, следующее положение:

¹⁾ Родился в 1808 г., умер в 1893 г.

²⁾ Курсив мой. Г. П.

³⁾ Назван. сочин. стр. 2 и 52.

⁴⁾ Назв. сочин. стр. 16. Курсив Консидэрана.

«Мы все заинтересованы в том, чтобы все без исключения были счастливы; и для каждого класса лучшее средство обеспечения его частных интересов заключается в том, чтобы связать их с интересами других классов»¹⁾.

И совершенно также, как Фурье, Консидэран относится отрицательно к французской философии XVIII в. Он называет ее разрушительной и говорит, что, когда начала осуществляться основная идея этой философии, состоявшая в низвержении феодализма и католической религии, произошли сильные общественные потрясения. Он дает понять, что, по его мнению, уже в конце XVIII ст. были такие средства, которые давали возможность улучшить общественный порядок, не прибегая к революционной борьбе²⁾. А что касается его собственной эпохи, то у него решительно нет ни малейшего сомнения насчет возможности преобразования общества. Возможность эта в полной мере дана открытиями Фурье, указывающими вернейшие средства согласить между собою интересы всех общественных классов. Этого не хотят понять революционеры, так охотно прибегающие к насильственным действиям³⁾. Вот почему Консидэран весьма строго осуждает революционеров. Правда, он не дает спуска и охранителям, которые, по его словам, своею неумелостью компрометируют свое собственное дело⁴⁾. Но при всем том он убежден, что «в настоящее время партия, заинтересованная в сохранении порядка, менее анти-социальна, нежели та, которая стремится к его низвержению». Почему? «Так как из современного положения общества явствует,— отвечает Консидэран,— что теперь надо не драться, а улучшать и организовывать, то партия, которой само ее положение дает любовь к порядку, менее неблагоприятна для нужного теперь дела, нежели та партия, которая, все еще хочет изгонять, избивать, низвергать»⁵⁾.

Совершенно также рассуждал у нас покойный Л. Н. Толстой: он тоже, и в силу совершенно тех же соображений, более сочувствовал охранителям, нежели революционерам.

Все это, я надеюсь, достаточно характерно. Но еще более ярко выражается взгляд Консидэрана в следующих его словах:

¹⁾ Там же, стр. 63. Курсив Консидэрана

²⁾ Там же, стр. 147.

³⁾ Напомню, что цитируемая брошюра Консидэрана вышла в 1836 г. т.-е. в самый бурный период монархии Луи-Филиппа.

⁴⁾ Он говорит, что они всегда готовы представить городского к каждому благородному чувству (там же стр. 24). Это, поистине, поразительная меткость.

⁵⁾ Там же, стр. 57. Курсив Консидэрана.

«Всякое восстание одного элемента против другого не правомерно: правомерно только согласие, гармония, полное и свободное развитие порядка»¹⁾.

В этих словах выражается вся тактика утопического социализма²⁾. Я не говорю, что тактика эта всегда оставалась неизменной. Это было бы совершенно неестественно в такой стране, как тогдашняя Франция, жившая лихорадочно-возбужденной общественной жизнью. Но, несмотря на свои изменения, тактика утопического социализма до конца сохранила в общем свой, только что указанный мною характер. И, как ни многочисленны отдельные черты, отличающие одну школу утопического социализма от другой, все эти школы,—опять за немногими исключениями, о которых ниже,—аполитичны и все они, за теми же редкими исключениями, отрицательно относятся к классовой борьбе.

Возьмем сэн-симонистов. Излагая свое учение, они указывают на совершавшуюся в истории борьбу классов и на эксплуатацию «человека человеком». Они говорят, что в современном обществе люди праздные эксплуатируют трудящихся. Уже в своем первом органе, «Le Producteur», выходявшем в 1825—1826 г.г., они утверждают, что отныне уже «невозможно думать, будто интересы праздных одинаковы с интересами трудящихся»³⁾. Цель общественного развития заключается, по их словам, в устранении классового антагонизма и в торжестве «ассоциации». Но, когда поднимается речь о том, какой же путь приведет к торжеству «ассоциации», они указывают на примирение между классами. Все это можно прочесть

¹⁾ Там же, стр. 91. Ср. его: «Principes du socialisme, manifeste de la démocratie au XIX siècle», II édition, Paris, 1847. В этом сочинении, написанном в такое время, когда Консидэран уже значительно менее расположен был к отрицанию политики, революционная партия называется иначе реакционной демократией, так как прогрессивна только мирная демократия (стр. 45). Из всех революционеров наиболее резко осуждению со стороны Консидэрана подвергаются «политические коммунисты», которые решительно принимают великую материальную революцию (стр. 46). Об этих коммунистах ниже.

²⁾ Другой ученик Фурье—бывший сэн-симонист Пажэ, — говорит, что его единомышленники «покинули поле политики для того, чтобы упражнять свой ум на более плодотворной почве социальных вопросов» («Introduction à l'étude de la science sociale», Paris, 1838, стр. XI). Здесь политика резко противопоставляется, как мы видим, деятельности в области социальных вопросов. Это противоположение встречается у крупнейшего большинства утопических социалистов. Ниже мы увидим, чем объясняются исключения из этого общего правила. Но для утопического социализма характерно именно это правило, а не исключения из него. Заимствованное с Запада противопоставление политики на социальной почве господствовало также в русской литературе вплоть до победы в ней марксизма.

³⁾ См статью Анфантэна: «Opuscules financiers» во II томе «Producteur», стр. 479.

в интересном сборнике их лекций: «*Doctrine Saint-Simonienne*» (см. особенно первый том). Но с наибольшей выпуклостью взгляды эти обнаружались в «Докладе о работах сэн-симонистской семьи», который был представлен в 1831 г. Стефаном Фляша «отцам» Базару и Анфантэну.

Стефан Фляша не только признает разделение современного общества на два класса, но выражается гораздо точнее, нежели большая часть его единомышленников. Между тем как в представлении огромного большинства сэн-симонистов современное общество разделялось на класс «праздных», с одной стороны, и класс «трудящихся», с другой, Фляша говорит о противоположности между буржуазией и пролетариатом, наивно полагая, однако, при этом, что за разницей терминов здесь не скрывается никакой разницы общественных отношений. Он констатирует, что после революции 1830 г. буржуазия не нашла нужным серьезно подумать об интересах пролетариата. И при всей своей готовности извинить эту ошибку буржуазии он все-таки считает нужным напомнить, что пора исправить ее, так как в противном случае обществу грозят «потрясения, более продолжительные и более глубокие, нежели те, которыми ознаменовалась борьба буржуазии с феодализмом»¹⁾. Мы видим отсюда, что воспоминание о классовой борьбе в эпоху великой революции очень свежо у социалистического докладчика. И это воспоминание заставляет его стремиться к примирению классов. Он приводит слова Сэн-Симона о том, что английские пролетарии готовы при первом удобном случае начать войну бедных против богатых²⁾, и говорит:

«Вот при каких обстоятельствах мы появляемся на сцене. Буржуазии мы говорим: мы голос народа, требующего своей части в ассоциации, голос энергичный, так как требование справедливо, но мирный, так как, вестники будущего, мы знаем от своего учителя, что насилие ретроградно и что царство принадлежит прошедшему. Народу мы говорим, мы повторяем каждый день: мы голос буржуазии, все вы, страдающие, требуете всеобщей ассоциации и вы получите ее, ибо ее хочет Бог. Но она будет дана вам только, если вы будете требовать мирно и постепенно. Если же вы попытаетесь насильно вырвать орудия труда из рук тех, которые владеют ими теперь, то помните, что сильные люди, которые будут руководить вашей яростью, не преминут поселиться в отелях и дворцах, отнятых у их старых владельцев, и дело сведется для вас к перемене господ»³⁾.

¹⁾ См. *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin*. IV vol. p. 58 — 59, Paris, 1865.

²⁾ Подчеркнута у Фляша.

³⁾ Там же, стр. 70, 71 и 72.

Это предостережение насчет «сильных людей» может удивить современного читателя. Но, по понятиям докладчика, оно не заключало в себе ничего страшного: по мнению Фляша, пролетариат не способен был «вследствие своего невежества ясно формулировать свои нужды и свои надежды»¹⁾. Такой общественный класс, действительно, легко провести за нос. Весь вопрос в том, могло ли воздержание от политики способствовать умственному развитию такого общественного класса.

До какой степени примирительное настроение было в духе того времени, вернее, в духе тех людей того времени, которые интересовались социальными вопросами, показывает, между прочим, следующий факт.

Когда Пьер Леру²⁾,—как известно, возбуждавший большой интерес у нас в кружке Белинского и Герцена и прозванный там, ради осторожности, Петром Рыжим,—примкнул к сансимонистам, он указывал на мирный характер их «доктрины» как на одну из тех его сторон, которые наиболее повлияли на него в смысле обращения³⁾.

Луи Блан⁴⁾ тоже не желает ничего слышать о классовой борьбе. Его знаменитое сочинение: «Organisation du travail», начинается словами: «К вам, богатые, обращается эта книга, потому что в ней речь идет о бедных. Их дело—ваше дело». Ниже это обращение опять является в несколько измененной форме: «О, богатые, вам повторяю, посвящена эта книжка... Да, святое дело бедных—ваше дело... Только с их освобождением откроются для вас неизвестные вам донныне сокровища спокойных радостей»⁵⁾.

Даже Прудон⁶⁾, которого многие до сих пор почему то считают революционером, на самом деле отвергал революционную постановку социального вопроса. В письме к Марксу, от 17 марта 1846 г., он говорит: «Мы не должны выдвигать революционное действие как средство социальной реформы, потому что это мнимое действие было бы просто-напросто обращением к силе, к произволу: короче—противоречием. Поэтому я ставлю себе такую задачу: посредством экономической комбинации вернуть обществу те богатства, которые ушли от него посредством другой экономической комбинации (процент на капитал, арендная плата за землю, плата за квартиры, ростовщичество). Другими словами, обратиться в политической экономии теории собственности против собственности для того, чтобы обеспечить свободу и равенство»⁷⁾.

1) Там же, стр. 58.

2) Родился в Париже в 1797 г., умер там же в 1871 г.

3) См. его «Открытое письмо», напечатанное в „Glode“.

4) Род. 29 окт. 1811 г., умер в декабре 1882 г.

5) Первое издание этого сочинения вышло в 1840 г.

6) Род. 15 января 1809 г., умер 19 января 1865 г.

7) Не имея под руками переписки Прудона, я цитирую здесь по книге «Abrége des oeuvres de Proudhon», где письмо это приведено, к сожалению, не полностью на стр. 414—415.

Это желание решить социальный вопрос посредством экономической комбинации означает уже хорошо знакомое нам отрицание политики. Это отрицание всегда играло в рассуждениях Прудона решающую роль. Оно привело его к анархизму, а от него перешло к М. А. Бакунину, Элизе Реклю, П. А. Крапоткину, Ж. Граву и другим теоретикам анархизма, а также к нынешним французским и итальянским «революционным синдикалистам».

В 1848 г. Прудон, со свойственной ему пышностью фразеологии, восклицал по поводу того, что временное правительство предпочло трехцветное знамя красному: «Бедное красное знамя, все покидают тебя. Но я целую тебя, я прижимаю тебя к моей груди... Красное знамя, это — федеральное знамя человеческого рода»¹). Но эта горячая приверженность к красному знамени несколько не мешала ему проповедывать союз пролетариата с буржуазией. Так, когда была выставлена не его кандидатура в Безансоне, он в своем обращении к избирателям писал: «Работники, протяните руку вашим патронам, а вы, патроны, не отталкивайте тех, которые работали у вас»²). В своем органе «*La Voix du Peuple*» (в № от 20 марта 1850 г.) он писал: «Объединение буржуазии с пролетариатом означает теперь, как и прежде, освобождение крепостного; оборонительный и наступательный союз промышленников с трудящимися против капиталиста и дворянина; солидарность интересов между пролетарием и хозяином»³).

Противопоставление хозяина капиталисту показывает, что под буржуазией Прудон понимал, собственно, мелкую буржуазию: он приглашал хозяина объединиться с подмастерьем. Это следует заметить в качестве материала для характеристики свойственного социалистам-утопистам взгляда на экономические отношения современного им общества. Мне еще придется подробно разбирать этот взгляд. Теперь же я прибавлю пока одно,—книга Прудона: «*Idée générale de la Revolution aux dix neuvième siècle*», которая вышла в 1851 г., и на долго оставила глубокий след в воззрениях социалистов латинских стран и России,—посвящена буржуазии. Посвящение включает в себе целое похвальное слово этому классу. «Вам, буржуа, посвящаю я эти новые опыты,—говорит Прудон,—во все времена вы были самыми неустранными, самыми ловкими революционерами... Вы сами, вы одни,—да, вы выработали принципы, заложили основы революции в XIX в. Ничто, предпринятое без вас и против вас, не было жизнеспособно. Ничто, предпринятое вами, не погибло. Ничто, подготовленное вами, не окончилось неудачей. Возможно ли,

¹) См. P. I. Proudhon, par A. Desjardins, Paris, 1896, p. 90. Примечание.

²) Цитиров. в назв. сочин. Desjardins, p. 99.

³) Цитиров. у Карла Дилля: „P. J. Proudhon, seine Lehre und sein Leben“. III-е Abteilung. Iena. 1896, S. 100.

чтобы, сделав столько революций, вы окончательно стали, вопреки интересу, вопреки разуму, вопреки чести, контр-революционерами» и т. д. Потом Прудон говорит о 1793 г., в течение которого болтливые народные трибуны не смогли, по его выражению, ровно ничего сделать, и о революции 1848 г., не сумевшей решить социальный вопрос, а в заключении опять зовет буржуазию к примирению с пролетариатом: «Я говорю вам: примирение,—это революция». На основании этих слов можно, пожалуй, подумать, что в 1851 г. Прудон сделался революционером, но это предположение опровергается содержанием книги: в нем подробнейшим образом излагается проект совершенно мирной «социальной ликвидации», которая выдается автором за социальную революцию только потому, что он вообще очень сильно злоупотребляет терминологией.

Характерное для утопического социализма отращение от революционного способа действий классически выразилось в словах Этьена—Кабе:

«Если бы революция была у меня в руке, то я не разжал бы руки даже в том случае, если бы мне пришлось умереть в изгнании»¹⁾).

IV.

Итак, социалисты-утописты признают наличность классовой борьбы в современном обществе. Но они не приурочивают к ней своих реформаторских планов; они решительно не желают опереться на нее для их осуществления. Они надеются, что планы эти будут осуществлены путем примирения классов. Сообразно с этим они отвергают революционный способ действия и поворачиваются спиной к политике²⁾).

Когда разразилась июльская революция, сэн-симонисты решили не принимать в ней участия. Их «отцы» Базар и Анфантэн, в особом послании к сэн-симонистам, находившимся в провинции, писали: «Те, которые торжествуют теперь, без сомнения, возмутятся тем, что они назовут нашей холодностью, нашим индифферентизмом; мы готовы вынести их оскорбления и их насилия... Дорогие дети, нам предстоит более счастливая судьба». Эта более счастливая судьба заключалась в работе над «осуществлением царствия Божия на земле»,—как выражались авторы послания.

¹⁾ *Voyages en Icarie*. Paris, 1845, p. 565. Курсив в подлиннике.— Кабе родился 2 янв. 1783 г. ум. 8 ноября 1856 г.—Первое издание его «Путешествий в Икарию» вышло в марте 1812 г.

²⁾ Письмо напечатано на стр 165 и 166 того же тома. Герцогиня Беррийская была арестована 6 ноября, а письмо написано 9 того же месяца (1832 г.). Отсюда видно, как торопился Анфантэн вовлечь женщин в «политику». После всего сказанного едва ли надо прибавлять, что слово «политика» имело здесь очень своеобразный смысл.

Но отвернуться от политики,—не значит удалить с исторической арены действующие на ней политические силы. Даже отвернувшись от политики, социалисты-утописты не могли не сознавать присутствия там этих сил. И вот у них рождалось желание так или иначе использовать их для своих целей. Как же использовать? Для этого было только одно средство: надо было убедить данного влиятельного представителя данной политической силы в том, что правильное понятие интересов его дела требуют возможно скорого осуществления данного реформаторского плана. Но как убедить? Это зависело от того, к кому именно обращался реформатор и при каких именно политических обстоятельствах имело место обращение. Когда Сэн-Симону захотелось привлечь к своим сочинениям внимание Наполеона I-го, он дал одному из них заглавие, обещающее указать средство победы над Англией (*Moyen de faire reconnaître aux Anglais l'Indépendance de pavillons*), хотя в действительности сочинение это было посвящено совершенно другому предмету. Когда Фурье вздумал привлечь на свою сторону Луи-Филиппа, которого беспокоили заговорщики, он принялся твердить, что заведение фаланстеров есть лучшее средство борьбы с революционерами. Когда полиция июльской монархии арестовала герцогиню Беррийскую, сделавшую попытку реставрации в пользу своего сына герцога Бордосского, и когда во французском обществе стали говорить, что ей грозит смертная казнь, «отец» Анфантэн тотчас написал открытое «Письмо к Королеве», в котором он, восставая против смертной казни, возвещал (жирным шрифтом) будущую эмансипацию женщин. Сообщая своим «детям» об этом письме, он выражал надежду, что оно будет способствовать «вовлечению женщин в политику»¹⁾. Уехав впоследствии в Алжир, Анфантэн пытался через одного из своих корреспондентов войти в сношения с герцогом Орлеанским. Эта попытка повлекла за собою то трагикомическое последствие, что названный герцог благосклонно предложил «верховному отцу» сэн-симонистов место супрефекта. К сожалению, это не отрезвило Анфантэна. Он не переставал строить широкие планы насчет проповеди между коронованными особами. Эти планы привели его к некоторым крайне грубым,— правда, гораздо более теоретическим, нежели практическим,—ошибкам. Известно, что Г. Гейне относился к сэн-симонистам

¹⁾ «Nous sommes religieux, c'est-à-dire, pacifiques et aimans envers tous les hommes, tous les classes, tous les partis... — Nous pensons que la violence, est toujours funeste, toujours impie»,—так выражался Шарль Лемонье в воззвании к сэн-симонистам, помеченном 7 июня 1882 года. Далее он заявлял, что сэн-симонисты любят все партии, но не идут ни к одной из них, и намечал программу, способную, как он думал, объединить людей всех политических мнений: 1) немедленная постройка железной дороги из Парижа в Марсель, 2) улучшение водопровода и канализации в Париже, 3) проведение улицы от Лувра к Бастильской площади и т. д.

с интересом и сочувствием. Первое издание своей книги «De l'Allemagne», он посвятил «отцу» Анфантэну. В ответ на это посвящение Анфантэн напечатал под заглавием: «Генриху Гейне» письмо, в котором развивал, можно сказать, изумительные политические взгляды.

Говоря о Германии, он обнаружил огромную симпатию к Австрии (к Австрии Меттерниха). Австрия была, по его словам, представительницей порядка, иерархии, чувства долга и, в особенности, мира. «Признавая, что догма свободы и равенства недостаточно полна, недостаточно совершенна для того, чтобы управлять народами, благословим Австрию за то, что она противилась вторжению этих чисто революционных идей, и даже оттолкнула их в лице Иосифа II; благословим возвышенное терпение этого народа, который беспрестанно подвергался сабельным ударам со стороны революции, воплощенной в Наполеоне;—благословим Австрию за то, что она дала благородное убежище последним представителям феодального права, нашим старым Бурбонам, так как Бог еще не сказал своего последнего слова насчет формы того перехода, посредством которого человечество упраздняет старое право и заменяет его новым; благословим ее, наконец, за то, что она простирает через Альпы свою тяжелую руку, сдавливающую народы Италии и мешающую им резать друг друга. Окруженная народами, в которых происходит освободительное движение, она беспрестанно твердит спокойным и важным голосом: «дети, вы не любите порядка, вы не созрели для свободы». Далее Анфантэн признается, что война против «Священного союза» и против «обскурантизма кабинетов» кажется ему вещь изношенной, «по крайней мере, для людей сильного закала»¹⁾.

Гейне молчаливо отозвался на это письмо тем, что снял посвящение Анфантэну со следующих изданий своей книги «О Германии». Это было, конечно, самой выразительной его критикой²⁾.

У Анфантэна вряд ли было какое-нибудь пристрастие к легитимизму. Он просто хотел с дипломатической тонкостью выполнить свою апостольскую миссию в среде высокопоставленных лиц, по самому положению своему склонных защищать «порядок».

Когда Луи Бонапарт, очень далекий от легитимизма, совершил государственный переворот во Франции, Анфантэн принялся кокетничать со счастливым авантюристом и даже выработал для него целую программу действий. Правда, она вовсе не отличалась определенностью. Анфантэн хотел, чтобы Луи Бонапарт служил

¹⁾ Там же, том X, стр. 118—119.

²⁾ Однако письмо было с одобрением встречено даже таким видным сэн-симонистом, как Оленд Родриг (См. «Histoire du saint-simonisme» par S. Charlety, стр. 315. Примечание.

делу хорошего социализма. Это служение должно было состоять в отказе от милитаризма и в энергичном содействии мирному промышленному развитию Франции¹⁾.

Читатель услышал, может-быть, некоторые иронические ноты в моем изложении. Само собой разумеется, что вся апостольская миссия Анфантэна в среде высокопоставленных лиц не может быть рассматриваема теперь иначе, как с улыбкой. Но несправедливо было бы относить эту ошибку Анфантэна на его личный счет. Ошибки, подобные этой, настойчиво подсказывались всей логикой того отрицательного отношения социалистов-утопистов к политике, на которое было указано мною выше. Отрицание политики логически вело (и до сих пор неизменно ведет тех, которые грешат им) к политиканству. Конечно, один из представителей утопического социализма совершал в своем политиканстве более грубые, а другой менее грубые ошибки. Но это частность. Сущность же дела состояла в том, что, раз отвернувшись от политики и начав политиканствовать, даже самые выдающиеся люди не могли избежать подчас самых невероятных, с нашей теперешней точки зрения, промахов.

Вот убедительное доказательство. «Человек—террор», Прудон, вообще говоря, очень мало походил на «верховного отца» Анфантэна. Во многих отношениях он был настоящим его антиподом. А между тем и он не избежал промахов, совершенно подобных тем, которыми только что удивил нас Анфантэн.

Прудон был, как известно, родоначальником французского анархизма²⁾. В качестве анархиста он смотрел на политику с самым высокомерным презрением. Однако, это презрение не спасало его от политиканства; напротив, оно толкало его к нему. В одном из своих писем он говорит, что тот, кто занимается политикой, должен «мыть руки в навозе». Это мытье рук в навозе и есть политиканство. Как усердно предавался он ему по временам, показывает его книга: «*La Révolution social démontrée par le coup d'état du 2 Décembre*», в которой он усиливается убедить читателя,—и прежде всех других, разумеется, самого Луи Бонапарта,—в том, что историческое значение 2 декабря, «это—революция демократическая и социальная»³⁾.

Когда политиканство достигает такой степени интенсивности, оно является не только логическим следствием отрицания политики. Оно служит также едва ли не лучшим показателем сбивчивости, запутанности социальных взглядов занимающегося им утописта.

¹⁾ Об этом см. в „Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin“ т. X, стр. 200 и 205.

²⁾ Он вывел теорию анархии из той мысли Сэн-Симона, что роль власти в общественной жизни уменьшается вместе с ходом исторического развития и будет сведена со временем к нулю.

³⁾ См. 5-е изд. назв. книги, стр. 93.

V.

Спешу напомнить читателю, что в утопическом французском социализме XIX в. существовало течение, — оно было одной из разновидностей коммунизма, — которое вовсе не отвергало классовой борьбы и совсем не отрицало политики, понимая ее, правда, в довольно узком смысле. Оно являлось, как я уже сказал выше, исключением из общего правила. Но, чтобы хорошо понять смысл этого исключения, необходимо предварительно рассмотреть со всех сторон само правило.

Отвергая борьбу классов, социалисты-утописты понимали в то же время ее историческое значение. Это кажется парадоксом, но это несомненно так. Читатель уже знает, что великая французская революция была, в глазах Сэн-Симона, Фурье и их последователей, «войной бедного против богатого». Что касается Сэн-Симона, то, высказав этот замечательный взгляд на французскую революцию еще в 1802 г., он впоследствии развил его довольно подробно. Он говорил, что в каждой стране основной закон есть тот, который определяет собою собственность и учреждения, ее охраняющие. Цель общественного союза есть производство. А потому во главе его всегда стояли и будут стоять люди, руководящие производством. До XV столетия нашей эры важнейшей отраслью общественного производства было земледелие. Земледельческими работами руководило тогда дворянство. Поэтому светская власть сосредоточивалась в его руках ¹⁾. Но мало-по-малу выросла новая общественная сила — третье сословие. Нуждаясь в поддержке, сословие это заключило союз с королевской властью, и этим союзом определилось все последующее развитие общества. Говоря это, Сэн-Симон имел в виду, собственно, Францию и очень сожалел, что в лице Людовика XV королевская власть изменила третьему сословию и перешла на сторону аристократии. Бурбоны очень дорого заплатили за эту ошибку, которая, впрочем, не остановила развития третьего сословия. Борьба нового промышленного порядка со старой феодальной системой вызвала французскую революцию, и она же определяет собою важнейшие общественные события наших дней.

Эти философско-исторические взгляды Сэн-Симона перешли от него к Огюстену Тьерри. Сэн-Симон думал даже, что и Гизо положил их в основу своих исторических исследований. Возможно, что великий французский историк пришел к ним независимо от Сэн-Симона: такие исторические взгляды были тогда довольно сильно распространены. Одно не подлежит сомнению: и Гизо,

¹⁾ См. „Opinions littéraires, philosophiques et industriels“. Paris. 1825. Pp. 144—145. См. также „Catéchisme des industriels“ в „Oeuvres de Saint-Simon“ изд. О. Родригом. Paris, 1832 г., p. 18.

и Тьерри, и Минье, и все французские историки этого направления держались именно тех исторических взглядов, первым систематическим проповедником которых выступил Сэн-Симон. Изучая эти взгляды, невольно и часто вспоминаешь теорию, сложившуюся впоследствии и получившую название исторического материализма. Они, действительно, послужили важным материалом для выработки этой теории. Но до поры до времени они очень хорошо уживались с самым крайним историческим идеализмом. Ниже я объясню всю эту кажущуюся странность. А теперь для моей цели достаточно отметить, что вслед за Сэн-Симоном и Фурье огромное большинство французских социалистов-утопистов видело, — правда, с сожалением, но все-таки видело, — в истории Европы длинный процесс классовой борьбы, порою доходившей до крайней степени обострения.

То же видели социалисты-утописты и в современном им обществе. Они не переставали говорить о происходящей в нем классовой борьбе. Они оплакивали существование такой борьбы и стремились к примирению классов¹⁾. Их разнообразные системы представляют собою, в своей практической части, ничто иное, как совокупность таких мер, которые должны положить конец войне классов и установить социальный мир. Но уже одно то обстоятельство, что они оплакивали классовую войну и стремились к социальному миру, показывает, что наличность такой войны вполне признавалась ими. И вот естественно возникает вопрос: какие же именно классы являлись, по мнению французских социалистов-утопистов, главными участниками войны, происходившей в недрах новейшего общества. Решение этого вопроса чрезвычайно важно для истории социалистических идей.

Сэн-Симон держался, как уже сказано, того убеждения, что самые важные события внутренней жизни современного ему общества определялись борьбой нового промышленного порядка со старой феодальной системой, короче — промышленников с феодалами. Эта борьба и была, в глазах Сэн-Симона, важнейшей классовой борьбой его времени. Он говорил: «В течение пятнадцати веков феодальная система постоянно дезорганизовалась, а промышленная система постоянно организовалась. Достаточно будет тактичного поведения главных представителей промышленности, чтобы окончательно установить промышленную систему и очистить общество от развалин того феодального здания, в котором жили когда-то наши предки»²⁾. Но кто же были эти главные представители промышленности? Конечно, не пролетарии. Это были, во-первых, банкиры, во-вторых, крупные промышленные предприниматели. Сэн-Симон смотрел на них как на естественных представителей и руководителей всего класса трудящихся.

¹⁾ См., например, Консидерана: «Principes du socialisme», стр. 20—21.

²⁾ «Oeuvres», p. 39.

Мы уже знаем, что он иногда пугал их рабочими. Но он делал это только затем, чтобы напомнить им об обязанностях, лежавших на них, как на естественных вожаках трудящегося класса. Известно также, что, по крайней мере, под конец своей жизни он между этими обязанностями ставил на первое место заботу о благосостоянии беднейшей его части. «Все общественные учреждения,—говорил он тогда,—должны иметь целью нравственное, умственное и физическое улучшение класса наиболее многочисленного и наиболее бедного». Это была главная мысль его последнего сочинения: «Le nouveau christianisme». Но «класс наиболее многочисленный и наиболее бедный» должен был явиться лишь предметом попечительного воздействия со стороны выше его поставленных представителей промышленности: главная же руководящая роль в общественной жизни должна была, по мнению Сэн-Симона, принадлежать именно им, выше стоящим представителям промышленности,—банкирам и промышленным предпринимателям.

Поскольку Сэн-Симон держался этого убеждения, постольку он был прямым продолжателем того дела, которое делали передовые люди XVIII в. Для этих людей главной общественной задачей была победа третьего сословия над светской и духовной аристократией. Читателю известны, конечно, знаменитые слова Сийэса: «Что такое третье сословие?—Ничто. Чем оно должно быть?—Все». Сэн-Симон был сыном XVIII в. Правда, в течение второй половины его жизни третье сословие уже перестало быть «ничем»; оно сделалось очень многим. Но оно еще не было «все» (напоминаю, что Сэн-Симон умер в 1825 г., т.-е. в эпоху реставрации), и он старался сделать его «все» как можно скорее. Вот почему он, приглашая богатых, заботиться об участи бедных, не анализирует тех отношений, которые существуют в среде самого третьего сословия, т.-е. между предпринимателями, с одной стороны, и наемными рабочими, с другой. Его внимание было всецело поглощено теми взаимными отношениями, которые установились после революции между представителями старого порядка и «промышленниками». И в своей знаменитой «Параболе»¹⁾ он дал блестящий и довольно глубокий анализ отношений этого второго рода.

Его ученики не раз говорили, что, разделяя его взгляды, они в то же время развивают их дальше. И нельзя не признать, что во многих отношениях они значительно опередили своего учителя. Так, они гораздо больше, нежели он, интересовались экономическими вопросами. Они старались определить, что же означают, с точки зрения экономики, выражения: «праздный

¹⁾ Она была напечатана в 1819 г. в „Organisateur“ и привела Сэн-Симона на скамью подсудимых. Впрочем этот литературный процесс кончился торжеством подсудимого, так как присяжные вынесли ему оправдательный приговор.

класс» и «класс трудящихся». Они относили к «праздному классу» землевладельцев, живущих на свою поземельную ренту, и капиталистов, доход которых составляет из процентов на капитал. Об этих категориях лиц часто говорит Анфантэн в своих экономических статьях, печатавшихся в «Le Producteur». Но замечательно, что прибыль предпринимателя совпадает для него с заработной платой. Он прямо говорит это, возражая— прибавлю, до последней степени неудачно,—на теорию ренты Рикардо: «Под выражением: «заработная плата» мы понимаем прибыль предпринимателя, потому что мы рассматриваем ее, как плату за его труд»¹⁾. При таком взгляде на отношении между предпринимателями и его наемными рабочими не могло быть и речи об антагонизме между интересами предпринимательского капитала и наемного труда. Читатель не забыл, может-быть, что подобною же неясностью страдал много лет спустя взгляд Прудона. Выше я сделал выписку из его статьи, появившейся в 1850 г. и приглашавшей буржуазию объединиться с пролетариатом для борьбы против—дворянина—«капитала»²⁾. Подобное приглашение могло иметь смысл только под пером человека, понимавшего под капиталистами одних получателей процента на капитал.

Разбирая вопрос о проценте на капитал, Анфантэн останавливается на том факте, что в странах промышленно развитых уровень процента значительно ниже, нежели в остальных. Отсюда он выводит, что доход всего вообще «праздного класса» самим развитием промышленности осуждается на постоянное уменьшение. «Мы думаем, — говорит он, — что ремесло праздного человека, бездеятельного собственника становится все хуже и хуже; подобно капиталам, земли сдаются в наем на условиях все более и более выгодных для тех, которые дают себе труд их обработки»³⁾. Это, как видите, достаточно оптимистический взгляд на положение дел в цивилизованном обществе. А к этому надо прибавить, что, по мнению Анфантэна, постоянно увеличивалась не только та доля национального дохода, которая доставалась предпринимателям вместе с наемными рабочими, он думал, что постоянно повышается также и доля этих последних. Ясно, что при данной величине части национального дохода, достоящейся предпринимателям вместе с рабочими, та доля национального дохода, которую получают, собственно, рабочие, может увеличиться только на счет доли, оставшейся в карманах предпринимателей. А это показывает, что Анфантэн не имел основания считать интересы рабочего солидарными с интересами предпринимателя. Но наш автор совсем не останавливается на этой стороне дела. Он довольствуется тем

1) «Le Producteur», стр. 245.

2) Курсив мой. Г. П.

3) «Le Producteur» т. I, стр. 245.

замечанием, что рабочий лучше питается и лучше одевается теперь, что улучшение условий жизни рабочего класса может идти рука об руку с уменьшением достающейся ему доли национального дохода, т.-е. с ростом эксплуатации его предпринимателями, т.-е. относительным его обеднением.

Вообще надо заметить, что экономические знания Анфантэна, который выступал главным теоретиком в этой области на страницах «Producteur»¹⁾ весьма поверхностны. Рикардо, которого он часто оспаривал, был известен ему, повидимому, лишь из вторых рук, а Ж.-Б. Сэй оказался великим экономистом. И этому нельзя удивляться. Для Анфантэна, как и для всех утопистов, главный вопрос заключается не в том, что есть, а в том, что должно быть. Естественно, поэтому, что его глаза внимательно всматриваются в то, что есть лишь до тех пор, пока остается неопределенным его взгляд на то, что же именно должно быть. Да и этот взгляд у него опять, как и у всех других утопистов, определяется преимущественно под влиянием нравственных соображений. Вследствие этого Анфантэн чаще читает мораль буржуазным экономистам, нежели критикует их теории²⁾.

«Le Producteur» выходил в такое время, когда еще далеко не вполне сложились взгляды сэн-симонистов. Можно предположить, пожалуй, что впоследствии экономические теории этой школы получили более глубокое содержание. На самом деле это не так. Читанные в 1831 г. лекции Исаака Перейра обнаруживают ту же самую неясность взгляда на отношение предпринимательского капитала к наемному труду и то же неосновательное убеждение, что «подати, которые труд платит праздности», постоянно уменьшаются. «По мере того, как будут уменьшаться эти подати, не только возрастет счастье трудящихся, но и увеличится для производства возможность сделаться более правильным»³⁾.

¹⁾ «Le Producteur», тот же том, стр. 158.

²⁾ Один из весьма видных сэн-симонистов, знаменитый впоследствии финансовый деятель, Исаак Перейр, в одной из своих лекций по политической экономии, читанной в 1831 г., обещая рассмотреть распределение богатств в современном обществе, прямо говорит: «nous examinerons la moralité de cet état de choses». (Religion de saint-simonienne. — «Leçons sur l'industrie et les finances». Paris, 1832, p. 3) и не подумайте, что слово «moralité» употребляется здесь в переносном смысле. Перейр говорит в предисловии к изданию своих лекций: «В первых двух лекциях мы поставили себе задачей отклонить идею стоимости, как она преподается нынешними экономистами; мы восстали против нее потому, что она является выражением борьбы, антагонизма, существующих в современном обществе». Это именно значит читать мораль буржуазным экономистам, вместо того, чтобы анализировать буржуазные отношения производства.

³⁾ Там же, стр. 11.

Принимая в соображение неясность взгляда сэн-симонистов на экономию современного им общества, надо признать, что, — не говоря уже об их мирном на строении, — сама их теория не давала им никакого основания для выработки таких планов практической деятельности, которые опирались бы на антагонизм интересов наемного труда и предпринимательского капитала. Напротив, она непременно должна была побуждать их к проповеди социального мира. Правда, они признавали антагонизм интересов трудящегося класса с интересами класса праздных собственников. Чтобы устранить этот антагонизм, они предлагали уничтожение наследства, которое повело за собою, по их словам, переход средств производства в собственность всего общества. В этом отношении они, действительно, ушли гораздо дальше своего учителя, который вовсе не задумывался об изменении форм собственности. Но если, как утверждал Анфантэн, ремесло праздного собственника все более и более ухудшается; другими словами, если положение этого класса становится все более и более затруднительным вследствие понижения уровня процента, — то самый ход вещей обеспечивает возможность мирного совершения самой важной из всех реформ, предложенных сэн-симонистами, — уничтожения наследства. Стало-быть и с этой стороны можно было сохранить дорогую сэн-симонистам веру в мирное течение общественного развития.

Читатель легко может представить себе, что, предлагая уничтожение наследства, сэн-симонисты сильно пугали современных им филистеров. Филистеры считали, а отчасти до сих пор и считают их коммунистами. (Еще совсем недавно их объявил таковыми один историк русской общественной мысли). Но считать их коммунистами не было и нет основания, о чем они не переставали напоминать в своих печатных произведениях.

Перешедшие в собственность общества средства производства должны были, согласно учению сэн-симонистов, поступать в распоряжение тех производителей, которые могли употребить их в дело с наибольшим успехом. Но сэн-симонисты вовсе не мечтали о восстановлении мелкой промышленности; они были горячими сторонниками крупных промышленных предприятий. Как же должен был распределяться приносимый такими предприятиями доход? Сэн-симонисты отвечали: по способностям и по заслугам каждого.

Но как определить заслуги? Анфантэн полагал, как мы знаем, что прибыль предпринимателя есть его заработная плата. С этой точки зрения легко можно было признать, что, если данный предприниматель получает несравненно более высокую «заработную плату», нежели его рабочий, то это происходит вследствие различия в величине их заслуг. Не удивительно, поэтому, что сторонники многих других социалистических школ, например, во Франции — коммунисты, Луи Блап и др.; в России Н. Г. Черны-

шевский,—решительно отвергали принцип сэн-симонистов: каждому по способностям и заслугам. Подобные споры могут показаться совсем бесполезными: стоит-ли спорить о том, как надо разделить шкуру еще не убитого медведя? И легко заметить, что критические приемы социалистических противников сэн-симонизма были не всегда удовлетворительны. Противники эти чаще всего повторяли ошибку сэн-симонистов: они разбирали с точки зрения нравственности, справедливости и тому подобных отвлеченных принципов тот вопрос, который надо было рассматривать с точки зрения производственных отношений, т.-е. общественной экономики. Но, несмотря на этот крупный методологический промах, они были по своему правы. Осуждаемый ими сэн-симонистский принцип распределения заключал в себе всю ту неясность, которую мы уже отметили в учении теоретиков сэн-симонизма о производственных отношениях современного им общества. Кто, говоря о нынешнем обществе, смешивает прибыль предпринимателя с заработной платой, тот очень сильно рискует оставить в своем плане будущего общественного устройства достаточно широкое место для «эксплуатации человека человеком». Пролетарию все равно, кому принадлежит фабрика, на которой он своим трудом обогащает предпринимателя: самому предпринимателю, какому-нибудь частному лицу или, наконец, обществу. Сэн-симонисты могли бы сказать в свою защиту, что в обществе, устроенном согласно их плану, промышленность будет организована, а не дезорганизована, как теперь: место нынешних предпринимателей займут руководители промышленности, которые будут состоять на службе общества и получать от него свое вознаграждение. Но это опять вернуло бы нас к старому вопросу: как определить высоту вознаграждения «руководителей промышленности»? Т.-е. другими словами, не будет-ли основано сэн-симонистское общество на эксплуатации огромнейшего большинства производительного населения этими, сравнительно малочисленными, руководителями? И сэн-симонисты опять не могли дать на него другого ответа, кроме ничего не выясняющей ссылки на «заслуги». На самом деле они просто не сумели до конца продумать этот предмет с его экономической стороны.

VI.

Другие школы утопического социализма не разделяли оптимистического взгляда сэн-симонистов на ход экономического развития в нынешнем обществе. Великий современник и соперник Сэн-Симона, Фурье, категорически отказывался признать, что положение рабочего—или, как он выражался, бедного,—класса улучшится. «Социальный прогресс есть призрак,—твердил он.—Богатый класс идет вперед, но бедный остается на месте, стоит

на нуле»¹⁾. Временами он обнаруживает еще больший пессимизм, утверждая, что положение бедняка в современном обществе хуже положения дикаря, который имеет, по крайней мере, право убивать дичь и ловить рыбу везде, где ему вздумается, и даже красть у всех, кроме своих соплеменников. К тому же дикарь отличается беззаботностью, свойственной животным и совершенно чуждой цивилизованному человеку. Свобода, даруемая бедняку нынешним обществом, есть ложь, так как, лишая его всех тех преимуществ, которыми пользовался дикарь, она не обеспечивает ему того минимума средств существования, который мог бы вознаградить его за это лишение²⁾. Наконец, Фурье объявляет, что положение народа в цивилизованном обществе, вопреки софистам, воспевающим прогресс, хуже, нежели положение диких зверей³⁾. Верный своей привычке подсчитывать и классифицировать даже то, что не поддается подсчету и классификации, Фурье указывает двенадцать злоключений промышленников, к которым для точности присоединяются еще четыре дополнительных злоключения. И, хотя эта попытка пересчитать злоключения цивилизованного человека может вызвать улыбку, тем более, что наш автор извиняется за неполноту подсчета и предоставляет окончить его более опытным людям,—однако, она обнаруживает редкую проницательность взгляда. Для примера укажу на «второе» злоключение, состоящее в том, что цивилизованный человек, занимаясь слишком утомительными работами, рискует расстроить свое здоровье, от которого зависит существование его детей и его собственное, на «десятое», называемое у Фурье «предвосхищенной бедностью» и сводящееся к страху потерять заработок, и, наконец, на «седьмое», причиняемое увеличением роскоши богачей, при виде которой бедняк чувствует себя еще более бедным (нынешняя теория относительного обеднения)⁴⁾. Если сэн-симонисты не различают положения наемного рабочего от положения предпринимателя, то Фурье видит антагонизм интересов этих двух общественных категорий и утверждает, что в современном обществе успех промышленных предприятий основывается на обеднении рабочих, т.-е. на понижении их платы до возможно более низкого уровня⁵⁾. Если сэн-симонисты видят в развитии банков последнее слово прогресса, то Фурье гремит против банкиров и против биржевого агитатора. Если сэн-симонисты восхищаются развитием крупной промышленности, то Фурье доказывает, что оно ведет за собою концентрацию капи-

1) «Publications de manuscrits», t. 2 p. 23. Цитирую у Bourgin: «Fourier» Paris 1905. p. 207.

2) Oeuvres complètes du Ch. Fourier Paris, 1841, t. III, p. 163—170.

3) Там же. т. IV. стр. 193.

4) Oeuvres complètes, t. IV, pp. 191--192.

5) „Publications des manuscrits“, t. 3, p. 43. Цитирую у Bourgin „Proudhon“, стр. 231.

талов и восстановление феодализма в новом финансовом, коммерческом, промышленном виде.

В том же духе высказываются и его последователи. Консидэран говорит: «Первый феодализм, тот, который вышел из завоевания, дал землю военачальникам и привязал завоеванное население к личности завоевателей узами крепостничества. Так как война, торговая и промышленная, под видом той конкуренции, при которой капитал и спекуляция неизбежно становятся господами над бедным трудом, сменила собою войну военную, то она стремится к установлению новой крепостной зависимости, и, действительно, постоянно устанавливает ее посредством своих завоеваний: теперь возникает не личная и непосредственная зависимость, а зависимость посредственная и коллективная, массовое господство над обездоленными классами класса обладателей капиталов, машин и орудий труда. В самом деле, взятые коллективно, городские и сельские пролетарии находятся в абсолютной зависимости от класса, обладающего орудиями труда. Этот великий экономический и политический факт выражается в следующей формуле практической жизни: чтобы иметь кусок хлеба, каждый пролетарий вынужден найти себе господина. (Я знаю, вы теперь говорите: патрона, но в своей первобытной наивности язык упорно повторяет: господин, и он будет прав до тех пор, пока не установится новый порядок, пока не заменятся новыми отношениями экономические отношения нынешнего феодального порядка, феодализма финансового, промышленного и коммерческого»¹⁾.

Уже Фурье назвал промышленные кризисы, периодически переживаемые нынешним обществом, кризисами от полнокровия и утверждал, что бедность этого общества порождается его богатством. Консидэран развивает дальше эту глубокую мысль. Он указывает на Англию, «задышающую от своего полнокровия», и объявляет нелепым и бесчеловечным тот общественный порядок, который «осуждает рабочий класс на голод, страдая в то же время от недостатка потребителей».

Конкуренция уничтожает средние общественные слои и ведет к разделению общества на два класса: «небольшое число имеющих все, большое число не имеющих ничего»²⁾.

Вообще, фурьеристы очень часто являлись антиподами сэнсимонистов по экономическим вопросам, и это очень ярко сказалось в отношении тех и других к вопросу о развитии производительных сил в тогдашней Франции, да и всего цивилизованного мира. Сэнсимонисты без всяких оговорок восторженно приветствовали постройку железных дорог и мечтали о прорытии

¹⁾ „Le socialisme devant le veulx monde ou le vivant devant les morts“. Paris 1848, p. 13.—Стр. „Principes du socialisme“. p. 6.

²⁾ „Principes du socialisme“ pp. 22—23; 9—11.

Суэзского и Панамского каналов¹⁾). Наоборот, фурьеристы находили, что прежде, чем строить железные дороги, необходимо примирить интересы предпринимателей с интересами рабочих и установить правильное распределение продуктов между капиталом, трудом и талантом посредством завоевания фаланстеров²⁾). Разумеется, в этом случае фурьеристы были совсем неправы: капитал и до сих пор не «примирен» с трудом во Франции. А между тем, на что походила бы теперь эта страна без железных дорог? В ответ на этот довод, что развитие железнодорожного дела поведет к усилению промышленного феодализма, Анфантэн говорил, что промышленный феодализм неизбежен, как переходный фазис общественного развития. Это было справедливо. Но Анфантэн тут же возвращался к утопии, прибавляя, что человечество обладает теперь,—благодаря открытиям Сэн-Симона и сэн-симонистов,—секретом мирных общественных преобразований, позволяющих ему сознательно и без потрясений покончить с промышленным феодализмом³⁾). Таким же утопистом был он, когда утверждал, что подобно тому, как, наприм., в эпоху реформации надо было идти с Лютером и Кальвином так теперь надо «лететь к Ротшильду». У реформаторов XIX в. была совсем другая задача. Стремление «к Ротшильду» было сэн-симонистским — «пойдем на выучку к капитализму».

Подобно фурьеристам, Луи Блан решительно не разделял оптимистического взгляда сэн-симонистов на положение наемного труда. В своей «Organisation du travail» он писал, что под влиянием конкуренции заработная плата постоянно стремится к понижению, а это ведет к самым печальным последствиям для рабочего класса: он вырождается. И опять-таки подобно фурьеристам—Луи Блан указывал на рост имущественного неравенства в нынешнем обществе; при этом он говорил о концентрации не одних капиталов, но и землевладения⁴⁾). Тогда как сэн-симонисты противопоставляли праздному классу промышленный, Луи Блан противопоставляет «буржуазию»—«народ». Но весьма достойно замечания, что даваемое им определение бур-

¹⁾ Анфантэн сам принимал участие во французском железнодорожном деле и, повидимому, способствовал его улучшению. В конце 1816 г. он основал „Société d'étus pour le canale du Suez“, но когда это предприятие готово было увенчаться успехом, Фердинанд Лессенс вырвал его из рук Анфантэна. (Об этом смотри у Шарлети: Histoire du saint-simonisme стр. 371, 388, 490 и след.).

²⁾ См. в высшей степени интересную брошюру Консидэрана: „De raisons et dangers de l'engouement pour les chemins en fer“. Paris, 1738 В фаланстере продукт должен был распределяться по следующей пропорции: $\frac{1}{12}$ труду, $\frac{1}{12}$ капиталу и $\frac{3}{12}$ таланту. Таким образом, фурьеризм все так же сходил с сэн-симонизмом в том смысле, что и в его плане общественного устройства отводилось место эксплуатации труда капиталом, как на это указывали тогдашние коммунисты всех оттенков.

³⁾ Шарлети. назв. сочин. стр. 318.

⁴⁾ См. II-е изд. назв. соч. стр. 10, 11, 50, 56 и 64.

жуазии больше подходит к низшему слою этого класса, нежели к высшему. «Под буржуазией,—говорит он,—я понимаю совокупность таких граждан, которые, обладая орудиями труда или капиталом, работают с помощью принадлежащих им средств и зависят от других только в известной мере». Это или очень неясно выражено или очень близко к прудоновскому понятию буржуазии, т. е. к понятию мелкой буржуазии. Не менее замечательно и то, что, говоря о «народе», Луи Блан имеет в виду собственно пролетариев: «ту совокупность граждан, которые, не обладая капиталом, вполне зависят от других в том, что касается первых потребностей жизни»¹⁾. Луи Блан видит возникновение нового общественного класса, но он смотрит на него сквозь очки старых демократических представлений и потому дает ему старое, дорогое демократам, название.

Укажу еще на двух социалистических писателей того времени, из которых один до сих пор пользуется довольно значительной известностью, а другой теперь совершенно забыт, но вполне заслуживает упоминания. Я имею в виду Пьера Леру и его друга, Жана Рейно. Оба они прошли через школу сэн-симонизма, и оба рано стали в критическое отношение к этому учению. Однако, здесь меня интересует только их взгляд на роль и положение труда в нынешнем обществе.

Уже в 1832 г., когда огромное большинство сэн-симонистов видело в нынешнем обществе лишь антагонизм интересов трудящегося класса с интересами праздных собственников и смотрело на «политику», как на устарелый предрассудок остальных людей, Жан Рейно напечатал в апрельской книжке «*Revue Encyclopédique*» статью: «*De la nécessité d'une représentation spéciale pour les prolétaires*», в которой высказал взгляды, в полном смысле слова замечательные для того времени.

«Я говорю,—писал он,—что народ состоит из двух различных по своему положению и своим интересам классов: пролетариев и буржуазии. Я называю пролетариями людей, которые производят все богатство нации; которые не имеют ничего, кроме подневной платы за свой труд, работа которых зависит от причин, не находящихся в их власти; которые от плода своего труда ежедневно получают лишь слабую часть, беспрестанно, уменьшаемую конкуренцией: будущее которых приурочивается лишь к шаткой надежде на промышленность, неверную и беспорядочную в своем движении, и которых на старости лет ждет место в больнице или преждевременная смерть». Этому яркому определению пролетариата соответствует не менее яркое определение буржуазии. «Под буржуа я понимаю,—продолжает Рейно,—людей, с судьбой которых связана, к судьбе которых прикована судьба пролетариев; людей, которые обладают капиталами и живут на доход с них;

¹⁾ „Histoire de dix ans“ 1840—1.

у которых на жалованьи находится промышленность, и которые ослабляют или усиливают ее ход, смотря по прихоти своего потребления; которые вполне пользуются настоящим и не предъявляют к будущему никаких желаний, кроме продолжения того, что было вчера, и вечного существования той конституции, которая отводит им первое место и отдает лучшую часть».

На основании слов Рейно о том, что буржуа суть люди, живущие на доход со своих капиталов, можно было бы, пожалуй, предположить, что и он, подобно другим сэн-симонистам, имеет в виду лишь праздных собственников, т.-е. рантье. Но это не так. Дальше он хорошо выясняет свою мысль. Оказывается, что к буржуа он относит, между прочим, «2000 фабрикантов Лиона, 500 фабрикантов Сэнт-Этьена и всех феодальных держателей промышленности». Отсюда ясно, что под определение Рейно вполне подходят и представители промышленного капитала. Он хорошо знает, что между классом буржуа, с одной стороны, и классом пролетариев, — с другой, можно найти промежуточные общественные слои. Но и это не сбивает его с толку. «Мне скажут, может-быть, — спрашивает он, — что эти два класса не существуют, так как между ними нет непреходимой перегородки или несокрушимой стены, и так как существуют работающие буржуа и обладающие собственностью пролетарии? Но я отвечу, что между самыми резкими оттенками есть всегда оттенки промежуточные, и что в наших колониях никому не придет в голову отрицать существование белых и черных на том основании, что между ними попадаются мулаты и метисы».

По мнению Рейно, было время, когда буржуазия, представляя свои собственные интересы, представляла в то же время интересы пролетариата. Так было в эпоху реставрации. Но теперь, когда уничтожение дворянства, подготовленное буржуазией, закончено пролетариатом, интересы этого последнего разошлись с интересами буржуазии, а потому нуждаются в особом политическом представительстве.

Трудно рассуждать яснее. Однако, Рейно все-таки сын своего времени. Его еще не покинули страшные воспоминания о 1793 г. Он боится гражданской войны. Поэтому он оговаривается. По его словам, интересы буржуазии, хотя и различны с интересами пролетариата, однако, не противоречат им.

И потому оба эти класса могут согласно работать над улучшением законодательства¹⁾.

¹⁾ Замечательная статья Рейно отчасти перепечатана в книге Пьера Леру „De la plutocratie“. Boussac. 1848. гл. XXXIV. „Le proletaire et le bourgeois“, и, повидимому, целиком вошла в т. I неоконченного изд. сочинений того же Леру. (Paris, 1850) 346—364.

Того же взгляда на отношение пролетариата к буржуазии держался и Пьер Леру¹⁾. В своей только что названной мною в примечании книге, он подробно развивает именно этот взгляд. Но, чем подробнее развивает он его, тем больше выступает наружу и даже увеличивается та неясность этого взгляда, которую отчасти можно было заметить уже у Рейно. Она состоит вот в чем.

Еще Рейно говорил: «Я называю пролетариями городских рабочих и деревенских крестьян».

Следует думать, что именно «деревенских крестьян» имел он в виду, признавая существование в нынешнем обществе пролетариев, обладающих собственностью. Леру с большими подробностями распространяется о «пролетариях» этого рода. Он спрашивает: «Пролетарий или собственник—крестьянин, имеющий гектар земли?» По его мнению, он пролетарий, так «как его клочок земли только в той мере дает ему возможность существования, в какой он ежедневно прикладывает к нему тяжелый ручной труд. Что из того, что этот крестьянин есть землевладелец, если его землевладение позволяет ему жить лишь с помощью этого тяжелого постоянного труда? Только достигнув известного предела, орудия труда становятся достаточно производительными для того, чтобы приносить ренту, необходимую для существования их собственника. По эту сторону этого предела находятся пролетарии; собственниками становятся лишь по другую»²⁾.

Леру спрашивает: собственник или пролетарий — человек, обладающий маленьким клочком земли? Этот вопрос предполагает, что нельзя быть собственником и пролетарием в одно и то же время. Но непосредственно после этого человек, которому принадлежит один гектар земли, т. е. собственник одного гектара, — объявляется пролетарием. Этим самым то предложение, что нельзя быть одновременно и собственником и пролетарием, молчаливо признается несостоятельным. Почему же? Потому, что собственник клочка земли трудится. Но этого обстоятельства достаточно только для того, чтобы признать его трудящимся собственником. отождествление трудящегося собственника с пролетарием, во всяком случае, остается произвольным. Почему же Леру считает его позволительным и даже неизбежным? Только потому, что человек обладающий маленьким клочком земли, часто очень беден. Для Пьера Леру бедняк и пролетарий одно и то же. Вот почему он относит к пролетариату всех и никаких, которых он насчитывает

¹⁾ Леру хорошо сознает, что его взгляд на «индустриализм» сильно разошелся со взглядом Сэн-Симона. Он даже полемизирует со своим бывшим учителем.

²⁾ См. 2-е изд. назв. соч. — 1-ое вышло в 1843 г. — стр. 23—24.

вает во Франции до 4-х миллионов, между тем, как число занятых в промышленности и торговле не превышает, по его же расчету, половины этого числа ¹⁾. В итоге у него выходит, что во Франции при 34¹/₂ миллионах населения живет до 30 миллионов пролетариев ²⁾.

В рассуждениях Рейно «пролетарий—собственник» уподоблялся метисам и мулатам, занимающим промежуточное положение между черной и белой расой в колониях. У Леру вышло, что из «мулатов» и «метисов» состоит наибольшая часть французского пролетариата.

Нечего и говорить, что его расчеты часто не выдерживают критики с экономической точки зрения. Но для понимания Леру надо помнить, что он рассуждает не столько с точки зрения экономики, сколько с точки зрения нравственности. Для него задача заключалась не в том, чтобы точно определить существующие во Франции производственные отношения, а в том, чтобы показать, как много находится во Франции таких людей, которые бедствуют и своими бедствиями напоминают о необходимости социальной реформы. И, поскольку он так понимает свою задачу, он прав, хотя его правота и не препятствует ему делать очевидные логические ошибки, напротив, вызывает их.

С этой стороны, свойственные Леру приемы рассуждения очень напоминают способ мышления наших народников ³⁾. Но, как бы там ни было, несомненно, что его книга «*De la plutocratie*» вместе с некоторыми другими его сочинениями,—например, со статьями, изданными потом под общим названием: «*Malthuset les économistes ou y aura-t-il toujours des pauvres*»,—заключают в себе гораздо более глубокий анализ отношений наемного рабочего к капиталисту, нежели тот, который мы находим в сочинениях Анфантона и других правоверных сэн-симонистов. И это, конечно, должно быть поставлено ему в большую заслугу.

Но эти первые шаги социалистического анализа приводят подчас к довольно неожиданным теоретическим выводам. В глазах Фурье и его учеников,—особенно Туссенеля, а также Пьера Леру, Дезамы и других, главными виновниками финансового и промышленного «феодализма» являются евреи. Фурье восставал против равноправия евреев; Леру указывал на них как на «королей нашей эпохи» ⁴⁾. Фурьерист Туссенель уже во второй половине 40-х г.г. проповедывал союз июльской монархии с народом для борьбы против евреев. «Сила—власти. Смерть паразитизму,—

¹⁾ Там же. стр. 79 и 107.

²⁾ Там же. стр. 25.

³⁾ Я думаю, что, например, г. Пешехонов совершенно одобрил бы их.

⁴⁾ См. сборник «*Malthuset les économistes*», t. I, v. I «*Les juifs, rois de l'époque*».

восклидал он. — Война евреям. Вот девиз новой революции»¹⁾. От этих теоретических ошибок, к счастью, не приносящих во Франции большого вреда на практике, некоторые разновидности утопического социализма не освободились до самого конца своего существования. И это, конечно, составляет немалый минус в алгебраической сумме их отличительных свойств.

В заключение прибавлю, что экономические взгляды французских социалистов далеко уступали в ясности и стройности экономическим взглядам английских социалистических писателей 20-х и 30-х г.г.: Годскина, Томпсона, Грэй, Эдмондса, Брэй и др. Оно и понятно: Англия очень значительно опередила Францию на пути экономического развития.

VII.

Оглянемся назад. В лице Сэн-Симона французский утопический социализм выступает прямым продолжателем того дела, которое делали идеологи третьего сословия в XVIII веке. Он отстаивает интересы этого сословия против интересов аристократии. Но при этом он отличается двумя особенностями. Во-первых, под впечатлением событий 1793 года он отвергает мысль о классовой борьбе²⁾. Во-вторых, он требует внимания к участи обездоленных, возвещает, — даже придавая этому вид религиозной заповеди, — обязанность всемерно улучшить положение «наиболее бедного и наиболее многочисленного класса». Исполнение этой обязанности падает прежде всего на «руководителей промышленности», которым предстоит играть руководящую роль в общественной жизни. В глазах Сэн-Симона и сэн-симонистов интересы руководителей промышленности вполне солидарны с интересами рабочего класса.

Фурье и фурьеристы гораздо дальше проникают в тайну нарождающегося капиталистического порядка. Но они не менее решительно отвергают классовую борьбу, и они обращаются не к «бедным», а к «богатым». Примеру этих двух первых школ утопического социализма следует огромное большинство основателей других социалистических систем. Проекты социальной реформы, предлагаемые этими основателями, представляют собою не что иное, как ряд мер, сулящих примирение классов путем

¹⁾ „Les juifs, rois de l'époque. Histoire de la féodalité financière“, t. II, 2-me édition Paris. 1847, pp. 286—290

²⁾ Впрочем, у Сэн-Симона отвержение мысли о классовой борьбе сводится, собственно, к отвержению революционного способа действий. Он не отвергал, а проповедывал мирную борьбу третьего сословия с защитниками остатков старого порядка. Только мысль о борьбе рабочих с предпринимателями встретила бы с его стороны самое резкое и решительное осуждение. Во всяком случае, Сэн-Симон был гораздо менее аполитичен, нежели его ученики.

установления общественной гармонии. Авторы проектов считают, что почин осуществления таких мер должен принадлежать высшим классам. Другими словами, социалисты-утописты не отводят никакого места для самостоятельности пролетариата, самое представление о котором сначала еще не выделяется у них из представления: «трудящийся класс». Это соответствует сравнительно неразвитому состоянию общественных отношений во Франции первой четверти XIX в. Самое отрицание политики, которое, как мы видели, является одной из главных отличительных черт утопического социализма, находится в теснейшей причинной связи с только что указанной неразвитостью общественных отношений. Не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание. Пока пролетариат еще не выступал в виде самостоятельной общественной силы, политическая борьба могла означать собою лишь взаимную борьбу различных подразделений господствующего класса, совсем не интересовавшегося судьбой «класса наиболее многочисленного и наиболее бедного». Поэтому она не представляла никакого интереса в глазах социалистов-утопистов, поскольку они стремились к улучшению участи именно этого класса. Кроме того, политика означает борьбу, а социалисты-утописты хотели не борьбы, а взаимного примирения всех общественных элементов. Поэтому, они объявили политику ошибкой и сосредоточили свое внимание в социальной области. Им казалось, что реформа, предпринимаемая в этой области, не имеет никакого отношения к политике, и что поэтому социальные реформаторы могут жить в мире с любым правительством¹⁾. Пора прибавить, наконец, что возникновению такого взгляда способствовала реакция против того свойственного XVIII веку воззрения, согласно которому политическая деятельность правителей составляет причину, а общественный строй ее следствие.

Социалисты-утописты долго сохраняли свой политический индифферентизм. Мы уже знаем, что этим индифферентизмом объясняется их подчас наивное, а подчас непривлекательное политическое поведение. Но по мере того, как подвигалось вперед экономическое развитие Франции, углублялась противоположность интересов наемного труда и предпринимательского капитала. А по мере того, как она углублялась, «бедный класс» этой страны становился пролетариатом. Выше я привел слова

¹⁾ Это была ошибка, свойственная далеко не одним социалистам-утопистам. В своем „Traité d'économie politique (discours préliminaire)“, Ж.-Б. Сэй утверждает, что „по существу дела богатство не зависит от политической организации. Будучи хорошо управляемо, государство может процветать при всяких формах правительства. Известны примеры наций, процветавших при абсолютных государях, и других наций, разорвавшихся при народных правительствах“ и т. п. Всякому известно, что Ж.-Б. Сэй был в науке типичным представителем взглядов французской буржуазии.

Рейно о том, что уничтожение дворянства было подготовлено буржуазией, а dokonчено пролетариатом. Эти замечательные слова показывают, что уже в начале 30-х г.г. XIX в. некоторые, правда, очень редкие, представители утопического французского социализма начинали сознавать огромное политическое значение рабочего класса. Это начинающееся сознание, несомненно, вызвано было впечатлениями июльской революции. Если оно не очень далеко подвинулось вперед, с июля 1830 г. до февраля 1848 г., то падение монархии Луи Филиппа дало ему сильный толчек. Фурьеристы, прежде объявлявшие политику ошибкой, сами стали заниматься политикой. Выбранный «представителем народа», Консидэран присоединился к «монтаньярам», а в 1849 г. должен был оставить Францию вследствие своего участия в известной демонстрации 13-го июня. В революционный период 1848—50 г.г. выступили также в роли депутатов Прудон, Пьер Леру, Луи Блан, Бюшэ, Видаль и некоторые другие. Из выдающихся представителей утопического социализма только Кабэ занят был в этот период, главным образом, основанием своей коммунистической колонии «Икартия» в Техасе. «Политика» оказалась сильнее утопии. Она навязала себя утопическому социализму, некогда провозгласившему ее ошибкой¹⁾. Но, даже вступая на политическое поприще, утописты не переставали быть утопистами. В период самой обостренной классовой борьбы они продолжали мечтать о примирении классов. В цитированной уже мною выше брошюре «*Le socialisme devant le vieux monde*» etc. Консидэран выражал искреннее сожаление о том, что буржуазия дала пролетариату дурной пример, насильственно отменив во время великой революции дворянские привилегии. 14 апреля 1849 года тот же Консидэран обратился к национальному собранию с большой речью, в которой предлагал ему дать фурьеристам средства, нужные им для основания фаланстеров. Нечего и говорить, что собрание этих средств не дало. Наконец, укажу на всем известные ошибки Луи Блана в 1848 г.

Вытолкнутые самим ходом жизни на политическую сцену Франции, социалисты-утописты не могли додуматься до правильных тактических принципов по той простой причине, что в утопическом социализме нельзя было найти твердой теоретической основы для таких принципов. И это приводит нас к вопросу: в чем же заключается та отличительная черта, присутствие которой в данной социалистической системе сообщает ей утопический характер, независимо от ее более или менее достойных внимания и одобрения частных сторон? Вопрос этот тем более уместен здесь, что при недостаточном знакомстве с предметом можно

¹⁾ В это время их отношение к интеллигенции было уже гораздо более благосклонным, нежели во времена Сэн-Симона и Фурье. Но, говоря вообще, они продолжали осуждать революционный способ действия.

вообразить, будто слова «утопический», «утопическая» не имеют точного теоретического смысла, а применение к данному плану или системе означает простое неодобрение. В самом деле, слово «утопия» было известно французским социалистам-утопистам, и, когда один из них, скажем, Фурье, хотел выразить неудовольствие, вызывавшееся в нем известными сторонами какой-нибудь другой социалистической школы, например, сэн-симонистской, он называл ее, между прочим, утопической. Конечно, кто провозглашал данную систему утопической, тот тем самым провозглашал ее неосуществимой. Но ни один социалист-утопист не имел ясного представления о том критерии, с помощью которого можно было судить об осуществимости данной системы. Вот почему слово «утопия» имело под пером социалистов-утопистов лишь полемическое значение. В настоящее время этот предмет представляется в другом виде.

VIII.

Консидэран, осуждавший дурной пример, поданный пролетариату буржуазией, насильственно отменившей дворянские привилегии, полагал, что уже в конце XVIII в. можно было выступить во Франции с таким планом общественных реформ, которым мало-помалу увлеклись бы все французы без различия званий, состояний и сословий. Вся беда была в том, что такого плана никто не придумал. А что придумать его было возможно, это следует из того, что появление такого рода планов зависит от случая. Фурье написал на эту тему даже целое рассуждение, в котором рассказывал, каким образом случай натолкнул его на открытие «расчета притяжения» (*Calcul de l'attraction*). По его словам, он, подобно Ньютону, пришел к своей гениальной мысли благодаря яблоку, съеденному им в одном из парижских ресторанов, впоследствии он заметил даже, что «можно насчитать четыре яблока, из которых два прославились причиненными ими несчастиями (яблоко Адама и яблоко Париса), а другие два сделались знамениты благодаря тому, что обогатили науку». Фурье даже находил, что эта знаменитая четверка яблок заслуживает особой страницы в истории человеческой мысли¹⁾. И эта его простодушная благодарность яблоку хорошо рисует отсутствие у него понятия о закономерности в развитии человеческих знаний. Он убежден, что открытия всецело зависят от «случая»; ему и в голову не приходит, что в истории человеческой мысли действие «случая» само может находиться в причинной зависимости от закономерного хода вещей. Социалисты-утописты не только не признавали, что ход вещей определяет

¹⁾ См. об этом в моем возражении на реферат Бернштейна о возможности научного социализма.

собой ход идей, но, наоборот, думали, что развитие идей составляет самую глубокую причину исторического развития человечества. Это был идеалистический взгляд, заимствованный ими от французских просветителей XVIII в., которые упорно твердили, что миром правит мнение.

Читая глубокие рассуждения Сэн-Симона о роли борьбы классов во внутренней истории французского общества, можно подумать, что имеешь дело с человеком, совершенно покинувшим точку зрения исторического идеализма. Но на самом деле он твердо держался ее до конца своей жизни. Позволительно сказать, что он довел идеалистический взгляд на историю до самой последней крайности. Мало того, что развитие идей служит у него последней причиной развития общественных отношений, но между идеями самое важное значение приписывает он на учным идеям, — «научной системе мира», — из которых вытекают религиозные идеи, в свою очередь, определяющие собою нравственные понятия человечества. С первого взгляда нелегко даже понять, каким образом крайний исторический идеализм Сэн-Симона уживался у него, например, с той уже знакомой нам мыслью, что закон, определяющий собственность, есть основной закон общества. Но дело в том, что, если по мнению Сэн-Симона, отношения собственности лежат в основе всякого данного общественного строя, то сами эти отношения вызываются к жизни чувствами и взглядами людей. Таким образом, у него, как и у просветителей XVIII в., мир управляется в последнем счете «мнением». Этот идеалистический взгляд целиком перешел к его ученикам. И тот же самый взгляд мы встречаем у других социалистов-утопистов. Мы уже видели, как плохо умел связать Фурье ход развития человеческой мысли с ходом развития человеческой жизни. Его наиболее выдающийся ученик, Консидэран, писал: «Идеи суть матери фактов, и факты нынешнего дня суть дети идей вчерашнего»¹⁾. Консидэран не спрашивал себя: откуда же взялись идеи вчерашнего дня? Не спрашивали себя об этом и другие социалисты-утописты. И когда у них заходила речь о том, каким образом идеи сегодняшнего дня, — положим, идеи сэн-симонистской или фурьеристской школы, являются фактом завтрашнего дня, они, опять подобно просветителям XVIII в., ограничивались указанием на непобедимую силу истины. Держась этой точки зрения, естественно было отвергать борьбу классов и политику как орудие классовой борьбы: раз открытая истина должна быть одинаково доступна людям всех общественных классов. Более того. Люди высших классов, благодаря своему досугу и некоторому образованию имеют больше возможности усвоить себе истину. Уже отсюда видно, что тактика социалистов-утопистов находилась в тесной связи с их

1) „Le socialisme devant“ etc. p. 20.

историческим идеализмом. Прибавлю, что не лишено было связи с этим идеализмом и их политиканство. Возьмем хоть Фурье. Если истина была случайно открыта им благодаря яблоку, то мало-ли какая случайность может содействовать ее распространению? Поэтому одинаково полезно стучаться во все двери, стараться подействовать на всех и на каждого, и, пожалуй, даже особенно на тех, у которых много денег или много власти. И вот Фурье настойчиво старается повлиять на сильных мира сего, хотя, разумеется, совсем без успеха.

Называя системы своих противников утопическими, социалисты рассматриваемого периода с полным убеждением называли свои собственные системы научными¹⁾. Что же было для них критерием научности? Соответствие данной системы с «природой человека». Но ссылаться на человеческую природу, т.-е. на природу человека вообще, взятого независимо от определенных общественных отношений,—значит покидать почву исторической действительности и опираться на отвлеченное понятие, а этот путь прямо ведет в утопию. И, чем чаще наши авторы апеллируют к человеческой природе, выдвигая против своих противников обвинение в утопизме, тем яснее обнаруживают они перед нами утопический характер своих собственных теорий.

Беря свое понятие о человеческой природе за критерий социального строительства, социалисты-утописты естественно считали возможным придумать совершенную социальную систему; совершенная социальная система есть именно та, которая вполне соответствует представлению данного реформатора о человеческой природе. Это было одним из побуждений, заставлявших социалистов-утопистов горячо спорить между собою, например, о принципе распределения продуктов в будущем обществе. Они упускали из виду, что способ распределения непременно должен будет измениться вместе с ростом производительных общественных сил.

Итак, утопист есть всякий тот, кто стремится построить совершенную социальную систему, исходя из какого-нибудь отвлеченного принципа. Все социалисты изучаемого периода подходят под это определение. Стало-быть, нельзя удивляться тому, что мы называем их теперь утопистами, отнюдь не руководствуясь при этом каким-нибудь недоброжелательным отношением к ним. С точки зрения науки, утопизм есть лишь фаза в развитии социалистической мысли. Фаза эта была закончена лишь тогда, когда передовые общества цивилизованного мира достигли известной высоты экономического развития. Не сознание определяет собою общественное бытие, а общественное бытие определяет собою сознание.

¹⁾ Известно, например, что орган фурьеристов: „La Phalange“ назывался „органом социальной науки“.

Мы видели, что эта последняя истина осталась недоступной для социалистов-утопистов. Они были убеждены, что общественное бытие определяется «мнением». Только считаясь с этим, мы поймем, каким образом, например, Сэн-Симон мог притти к своей «религии».

Он говорит, что религиозные идеи вытекают из научной системы мира. Отсюда следовало, что с переменой этой системы должны измениться и религиозные идеи. А так как она чрезвычайно много изменилась в сравнении с тем, что она представляла собою в средние века, то, значит, пришла пора для появления новых религиозных идей. В виду этого Сэн-Симон придумал «новое христианство». Легко было бы показать, что сам он был совершенно неверующим. Спрашивается: зачем же он придумал свою новую религию? Это вполне естественное недоумение разрешается тем, что он смотрел на религию с точки зрения пользы: религиозные идеи обуславливают собою нравственные понятия; поэтому человек, желающий повлиять на нравственность своих современников, должен обратиться к религии. Сэн-Симон так и сделал. Если мое объяснение покажется читателю невероятным, то я напому ему, что Сэн-Симон и на этот вопрос смотрел глазами XVIII в., т.-е. считал, что религии учреждаются мудрыми «законодателями» в интересах общественного блага¹⁾.

Приблизительно такими же соображениями, вероятно, вызвано было и сочинение Кабэ: «Le vrai christianisme suivant Jesus Christ»²⁾. Придумывая свое «истинное христианство», Кабэ хотел подражать мудрым законодателям старого времени, как их представляли себе философы XVIII века.

Этим я не хочу, однако, сказать, что все интересующие нас здесь социалистические писатели разделяли взгляд XVIII века на религию. Не все так относились к религии, как Сэн-Симон и Кабэ. Во-первых, романтическая реакция против философских идей XVIII века, широко распространившаяся во французской интеллигенции, коснулась, между прочим, и социалистов 30-х годов, и 40-х, т.-е. социалистов, так сказать «второго призыва», — значительно ослабив влияние на них антирелигиозных идей, завещанных просветительной философией. Ученики того же Сэн-Симона не головой, а сердцем пережили увлечение новой религией, созданной их учителем. На своих собраниях они доходили подчас до настоящего религиозного экстаза. А, кроме того, надо помнить, что, когда социализм приобрел большое влияние в среде тогдашней французской интеллигенции, он увлек за собою даже таких

¹⁾ Он очень одобрял вышедшую в 1798 г. книгу Дюпюи: „Abrégé de l'origine tous les cultes“, в которой проводится именно такой взгляд на религию.

²⁾ Первое издание вышло в 1816 г. и, как говорят, имело большой успех в рабочей среде.

людей, которые ни в чем и никогда не подчинялись влиянию философии XVIII века. В числе их первое место, бесспорно принадлежит Жану Ламеннэ¹⁾. Жорж Занд в «Histoire de ma vie» недаром написала портрет Ламеннэ такими яркими и привлекательными красками. Это был, действительно, очень замечательный человек. В нем соединилось могучее религиозное красноречие древне-еврейских пророков с темпераментом революционера и с горячим сочувствием бедствиям народа. Прочитав его «Paroles d'un croyant» (1834 г.). Шатобрнан сказал, что «этот поп хочет устроить на колокольне революционный клуб». Оно, пожалуй, так и было. Но, принимаясь за устройство «революционного клуба», Ламеннэ все-таки оставался католическим священником. Даже после его разрыва с церковью мысль его не сбросила с себя ига старых богословских привычек и именно потому его религиозные взгляды и его религиозное настроение никак не могут считаться характерными для тогдашнего французского социализма. То же приходится сказать и о Филиппе Бюшэ²⁾, который после временных увлечений в юности скоро вернулся на точку зрения католицизма.

«Религиозные искания» французских социалистов-утопистов «второго призыва» могут характеризоваться лишь такими религиями, как религия сэн-симонистов (но, повторяю, не Сэн-Симона), Пьера Леру и т. п. А до какой степени эти религии были связаны с романтической реакцией против просветительной философии XVIII в., видно, между прочим, из того, что многие сэн-симонисты с увлечением читали сочинения Жозефа де-Мэстра и других писателей того же направления. Это обстоятельство показывает, что романтическая реакция коснулась французского утопического социализма уже в такое время, когда сама она еще не имела ровно ничего общего с какими бы то ни было свободолобивыми стремлениями. Поэтому мы имеем право сопоставить «религиозные искания» тогдашних социалистов с их отрицанием классовой борьбы и с их стремлением к социальному миру во что бы то ни стало. Все это,—и «искания» религии и отвращение от классовой борьбы, и миролюбие, возведенное в догму,—являлось ни чем иным, как результатом разочарования и усталости, вызванных «катастрофой 1793 г.». Страшный год революционной борьбы являлся, в глазах социалистов-утопистов, наиболее убедительным свидетельством в пользу той мысли, что классовая борьба вообще совершенно бесплодна. Некоторые из них так и говорили, что бесплодность классовой борьбы лучше всего доказывается примером 1793 г.³⁾ Не сочувствуя революцио-

¹⁾ Родился 19 июня 1782 г., умер 28 февраля 1854 г.

²⁾ Родился в 1796 г., умер. в 1865 г.

³⁾ В противоположность им сознательные идеологи буржуазии—Гизо, Тьерри, Минье и мн. другие—нисколько, разумеется, не одобряя деятелей 1793 г., были решительными и сознательными сторонниками классовой

нерам XVIII в., они стали внимательно прислушиваться к тому, что говорили и писали враги революции. И, хотя теоретикам реакции не удалось повести их за собою, хотя они частью все таки продолжали теоретическую работу XVIII века, а частью пошли своим самостоятельным и в известном смысле новым путем,—но все таки реакция оставила заметный след на их воззрениях. Кто забывает об этом, для того останутся непонятными некоторые важные стороны французского утопического социализма. К их числу относятся и его «религиозные искания» в том виде, какой они приобрели в 30-х и 40-х годах.

IX.

Теперь пора сказать хоть несколько слов о том течении во французском утопическом социализме, которое я выше назвал исключением из общего правила. Вопреки общему правилу, течение это, во-первых, было насквозь пропитано революционным духом, во-вторых, не отрицало политики, в-третьих, чуждо было «религиозных исканий». Самый видный представитель этого течения, Огюст Бланки¹⁾ провозгласил, как известно, девиз: ни бога, ни господина. Откуда же взялось это направление, так резко противоречившее «духу времени»?

Чтобы понять его происхождение, следует вспомнить, что первоначально оно называлось бабувизмом. Это значит, что люди, к нему принадлежавшие, считали себя последователями Бабефа, знаменитого коммунистического заговорщика конца XVIII века²⁾. В первой половине 30-х г.г. самым влиятельным представителем французского бабувизма был участник «заговора равных», потомок Микель Анджело — Филиппо Буонаротти, написавший историю этого заговора. Все знают, что Бабеф и другие участники «заговора равных» были крайними революционерами. «Мы хотим действительного равенства или смерти,— гласил их манифест,—и мы добьемся его, этого равенства, какою бы то ни было ценою. Горе тем, которые встанут между ним и нами» и т. д. Этот язык совсем не похож на язык знакомых нам социалистов-утопистов XIX в. И те, сравнительно очень немногие, французские социалисты, которые остались верными заветам Бабефа и его товарищей, ни мало не были склонны

борьбы, пока она оставалась борьбою буржуазии с аристократией. Социальный мир они стали проповедывать лишь после 1848 г., когда выступил пролетариат. Я подробно разъяснил это в другом месте (см. мое предисловие ко второму изданию моего перевода „Манифеста коммунистической партии“).

¹⁾ Родился в 1805 г., умер в 1880 г.

²⁾ Н. Ф. Бабеф род. в 1764 г., умер, по приговору суда, на эшафоте 24 февраля 1797 г. Накануне казни им была сделана неудачная попытка самоубийства.

к социальному миру. Огюст Бланки презрительно обсуждал эту склонность у современных ему французских социалистов, которые, в свою очередь, со страхом смотрели на неисправимого и неутомимого революционного заговорщика¹).

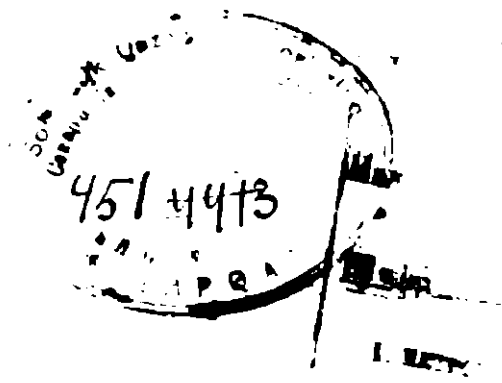
Мы видим, стало быть, откуда взялось интересующее нас течение. Оно было прямым продолжением революционных стремлений XVIII в. Так как великая революционная буря, утомив население Франции, вызвала в значительной части интеллигенции отрицательное отношение к классовой борьбе, то это течение не могло быть сильным: оно представляло собою лишь маленькую струйку в широком потоке французской социалистической мысли²). По этой причине я и назвал его исключением из общего правила.

Читатель понимает, что те немногие представители французской интеллигенции, которых не коснулся испуг, вызванный «катастрофой 1793 г.», не имели никакого основания отказываться от духовных заветов XVIII в. Их отношение к религии было то же самое, каким отличались наиболее передовые представители французской просветительной философии. Вот откуда появился девиз Огюста Бланки: «ни бога, ни господина». То же видим в их отношениях к политике: они и там следуют примеру людей XVIII века. А эти люди не только не отворачивались от политики, но, наоборот, приписывали политической деятельности преувеличенное значение. Они наивно думали, что «законодатель» может перестроить по своему идеалу все общественные отношения и даже все привычки, вкусы и стремления граждан. Само собою разумеется, что бабувисты и бланкисты рассматриваемого периода, в весьма значительной степени усвоившие себе такой взгляд на деятельность «законодателя», вовсе не были расположены чуждаться политики. Совершенно наоборот: они должны были стремиться в интересах осуществления своих коммунистических идеалов поставить себя в положение «законо-

¹) Он представлял собою именно то направление „политического коммунизма“, которое казалось Консидэрану самым опасным (см. выше).

²) Я настаиваю на том, что революционная буря конца XVIII века вызвала отрицательное отношение именно к борьбе классов. Такое отношение к ней не исключало иногда склонности к революционному способу действий. Один из двух будущих верховных отцов сэн-симонизма Базар, принадлежал когда-то к карбонарам. Карбонарами были и Бюшэ и некоторые другие из будущих социалистов. Но стремления карбонаров были чисто „политическими“ стремлениями, т.-е. они не касались вопроса об общественных отношениях, а потому и не грозили вызвать „войну бедного против богатого“. Социализм затрагивал названные отношения и тем самым напоминал о названной войне. Вот почему бывшие заговорщики: Базар, Бюшэ и др., спешили объявить себя сторонниками социального мира, как только становились социалистами. Еще раз: тот не поймет истории французского утопического социализма, кто упустит из виду влияние „катастрофы 1793 г.“ на умы французской интеллигенции.

дателя». Этого они и хотели достигнуть посредством тайных обществ и заговоров. Таким образом, их тактика, логически вытекающая из их взглядов на роль «законодателя», оказалась прямо противоположной тактике тогдашних социалистов-утопистов. Но этого было слишком мало, чтобы сообщить ей конкретную основу. Коммунизм бабувистов и бланкистов не менее грешил утопизмом, чем социализм Сэн-Симона или Фурье, Кабэ или Пьера Леру. Только тот утопизм был другого стиля. Утопическим его делала именно унаследованная им от XVIII века вера во всемогущество «законодателя», т. е. политики. С этой стороны революционный коммунизм того времени далеко отставал от социализма, который, хотя мечтал о примирении классов, совершая огромную теоретическую ошибку своим отрицанием политики, но в то же самое время обогащал теорию изучением социальной области. Выходило так, что одни утописты, наиболее многочисленные, сосредоточивали свое внимание на «социальной» теории, а другие, составлявшие исключение из общего правила, — на политическом действии: и те и другие одинаково грешили односторонностью. Устранение такой односторонности могло явиться лишь делом будущего. Оно предполагало целый переворот в теории. Лишь тогда, когда социализм отказался от идеалистического взгляда на историю и усвоил себе материалистический взгляд на нее, он приобрел теоретическую возможность расстаться с утопией. Но из рамок этой статьи совершенно выходит рассказ о том, как совершился в действительности переход социализма от утопии к науке.

Содержание:

	Стр.
I. Предисловие	3
II. Английский утопический социализм	5
III. Французский утопический социализм	21
IV. Немецкий утопический социализм	36
V. Французский утопический социализм XIX века	47

